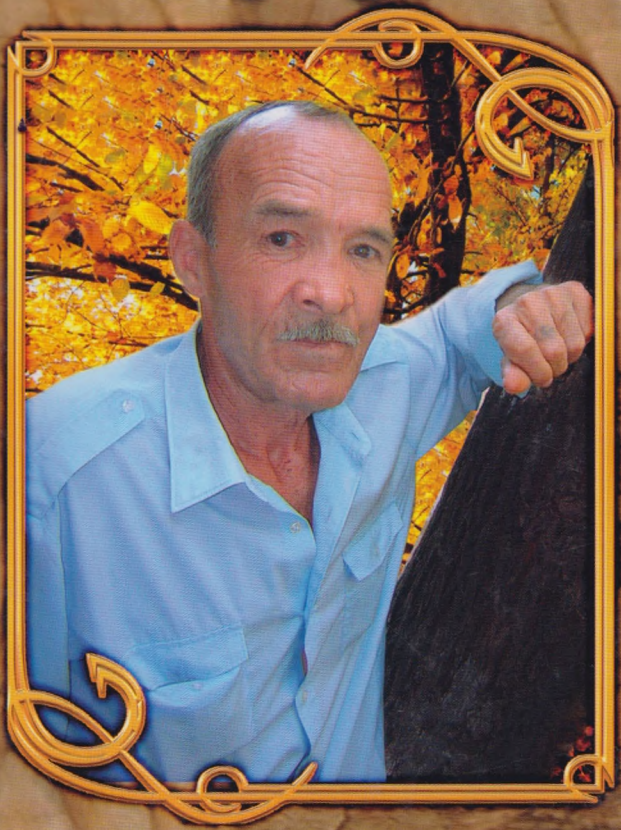
821.161.1(574)
К78

Владимир Краковский

Ковались сердцем эти строки

Владимир Краковский

15
821.161.1(574)
К78

Владимир Краковский

Ковались сердцем эти строки

ТАРАЗ ҚАЛАСЫ
ОККЖ
ИНВ.№ 75984

АЛМАТЫ
2017

аб
АБАЙ АТЫНДАҒЫ КІТАПХАНА

УДК 821.161.1(574)
ББК 84 Рус-Каз-44
К78

Краковский Владимир

К78 Ковались сердцем эти строки: стихотворения, отзывы друзей.

ISBN 978-601-06-3949-2

Владимир Краковский родился 2 марта 1947 года в городе Зыряновске Восточно-Казахстанской области. В 1948 году семья переехала в город Джамбул. В 1966 году Владимир окончил Джамбулское медучилище, по окончанию которого работал на станции скорой медицинской помощи, а затем служил в армии фельдшером, сначала на срочной, затем на сверхсрочной службе в Можайске, а позднее в Джамбуле.

Стихи писать начал рано, еще в школьные годы. Печатался в областных и республиканских периодических изданиях. Был участником республиканского фестиваля молодой поэзии Казахстана.

В 2006 году выпустил небольшой сборник стихов «Тобою выжил и стихами»

В представленное издание включены стихи, собранные супругами Татьяной и Евгением Белоголовых, сестрой и зятем поэта. Подборка включает в себя произведения раннего и зрелого творчества.

УДК 821.161.1(574)
ББК 84 Рус-Каз-44

ISBN 978-601-06-3949-2

«И вспомнишь его, хоть картину пиши…»

Такая жесткая закономерность – об ушедшем из жизни человеке судят по его делам, а о поэте судят по его стихам. И уже потом пытаются найти параллели между строфами и тропами, по которым ступала нога поэта.

Писатель – это человек, творящий смыслы. Он всегда находится в их поиске, а уж куда заведет эта дорожка, никому не известно. Но если строки услышались и навсегда запомнились, значит, чувство слилось со словом и стало поэзией.

Пахнет яблоневым ветром
В стороне моей заветной…

Яблоневым ветром пронесло по жизни Владимира Краковского. Зачастую беспечный, неустроенный, хотя и были у него и дом, и сердобольные родственники, которые всегда хотели его благоустроить.

Не осталось ни хозяйства, ни детей, только тоненькая книжечка, почти невесомая, но она, как говорится, томов премногих тяжелей. «Тобою выжил и стихами…» - единственная книжка при жизни, которую он выпустил уже в 60 лет. Он ходил с ней, подписывал и раздаривал знакомым. Очень хотел что-нибудь заработать. Но все знают, какими мизерными тиражами сейчас выходят поэтические сборники даже самых именитых поэтов. Стихами нынче не проживешь. И дело это больше для души.

Владимир Краковский родился в 1947 году в алтайском городке Зыряновске. В 1966 окончил Джамбулское медучилище, служил в армии фельдшером, после сверхсрочной работал на «скорой помощи», в физкультурном диспансере. Трудился и рабочим на предприятии, и кочегаром, и сторожем. В своей жизненной неустроенности он не раз пытался одолеть «зеленого змия». Случались и мужские разборки, которые оканчивались в местах не столь отдаленных. Но он всегда стремился обрести твердую колею и начать все с чистого листа.

Он трепетно относился к матери, любил отца и уважал его воинские заслуги и понимание поэзии. Это все отразилось в стихах, посвященных родителям. Творчество Владимира Краковского явно распадается на две половины: на лирику периода посвящений любимой женщине -

Любимая, когда звездою поздней
Сорвусь с небес и упаду во ржи,
Не проливай нахлынувшие слёзы,
Я слишком счастлив, что тобою жил.
Любимая! И большего не надо…

Ни разу не довелось увидеть эту таинственную, без преувеличения роковую для него женщину, его незабвенную музу, и почти уверен, что не увидел бы в ней то – особенное, видимое только ему самому. Но, если стихи иного поэта бывает читать неловко, а порой даже стыдно, то тут предельная откровенность, обнаженность чувств, превратились в настоящую поэзию.

Второй период дал стихи, сдобренные суровым жизненным опытом. Приносило ли это ему новые сюжеты? Иногда да, как в этом стихе о бездомной собаке:

Ночами красться вдоль дворов
На запахи еды
И молча прятать свой улов
В предчувствии беды.

Иллюзий он не питал, относился к себе по-мужски критически, с усмешкой, и с каждым новым ударом судьбы, утратой, каким-то образом крепчал его талант, закалялось упорство работы над словом, в преодолении сопротивления материала.

Как все пишущие, он хотел публикаций, но никогда не спешил отдать сырой текст. Хорошо помню, как обрадовался зав.отделом поэзии журнала «Простор» В. Антонов, когда в первый раз увидел стихи Владимира Краковского. Он тогда назвал его – настоящим открытием!

У Краковского было стремление к совершенству. Он был мастер формы. Ну, кто сейчас пишет сонеты? А он на протяжении последних десяти лет писал свой венок сонетов, переделывал его, искал новые ходы философского углубления. Простые образы природы в ее годовом цикле прорастали мыслями и чувствами человеческого бытия, приметами собственной судьбы. Он тяготел к высокой, полной ограничений строгой классической форме. И поэтому его уверенно можно назвать Таразским классиком.

Он не витал в облаках, не бежал, «задрав штаны за комсомолом» и «прорабами духа», его лирику всегда отличала теплая есенинско-рубцовская интонация. Он любил женщин и слово, и они отвечали ему взаимностью.

Круг его тем – любовь, природа и судьба поэта. Слово у него звучит почти песенной распевной русской растяжкой. Владимир Краковский – поэт не городской и не деревенский, он где-то посередине между любовью к женщине и влюбленным удивлением перед миром. Его голос отличим в многоголосии современной русской казахстанской поэзии.

Рифма Владимира Краковского проста, почти незаметна, но свежа и очень естественна, как нормальная человеческая речь. В его стихах живет его живое дыхание. Он не заумничал, не авангардничал, никогда не впадал в мистику, уж кому как не ему можно было

сетовать на рок, превратности и удары судьбы, нет, он не жаловался и принимал жизнь, как есть по заслугам.

Плыву ли, еду ли, лечу,
Лежу ли на холодных нарах –
Всё принимаю, как подарок
Судьбы, которую кручу.
Всего лишь малого хочу:
Чтобы вошёл с почтеньем кто-то
В мои стихи, мою работу,
Мой скромный палисадник чувств…

Суждения его о творчестве сотоварищей по цеху на собраниях местного литобъединения «Оазис» были скупы, но всегда точны. И еще, он никогда никому не завидовал. Природа достаточно наделила его талантом и жаждой жизни. У него было исконное чувство слова, и оно чудесно легло на большое чувство любви к женщине и к родной земле. Детей от любви не случилось, но рождалось эхо – которое у поэтов завершается звонкой рифмой в конце строки.

Прошли годы после ухода Владимира 22 марта 2010 г. Сестра Владимира Татьяна и ее муж Евгений Белоголовых - пламенный поклонник его творчества, кому не раз первому читал Владимир свои стихи, собрали полный архив поэта, а друзья-литераторы помогли сверстать новую книгу. Будет радостно, если она не только пополнит полки библиотек, посвященные местным писателям, но встанет на домашние книжные полки.

Те, кто знал Краковского вскользь или случайно увидели бы на улице, вряд ли бы могли назвать Володю удачливым, или захотели его судьбы. Но, безусловно, существовали творческие часы, когда он ощущал себя по-настоящему счастливым – особые моменты, когда находилось нужное слово и складывалось стихотворение. Когда удавалось передать словами то, что пережил и хотел сказать. И, я уверен, именно этот сгусток счастья от ярких взлетов ума и сердца до сих пор влечет нас к его свежим, живым стихам.

Александр Загрибельный
Журналист, переводчик, поэт, прозаик. Собкор казахстанских журналов «Современное образование» и «Petroleum», российского журнала «Журналист» в Казахстане и Средней Азии. Награжден Дипломом Британского Совета и Американского посольства за лучшие стихотворные переводы английских и американских поэтов.

Тобою выжил и стихами

Любимая! И большего не надо!
Не предавайся горестной судьбе.
Я не остыл, любимая, я рядом,
Строкой горячей – только о тебе…

Однажды и навсегда я утонул в бездонно-гордых, излучающих небо, твоих глазах.

– Ни о каком свидании не мечтай, я люблю другого, – сказала ты, как отрезала.

Издалека я ловил твою стройную походку, когда ты прогуливалась с другим, наверное, тем самым. Нет, я не вспыхивал ревностью, я любовался тобой, недоступной моей радостью, и лишь сладкая боль пронизывала мое юное сердце.

Жизнь раскидала нас далеко друг от друга, но всегда и всюду ты незримо волновала меня, моя, самая-самая, незабвенная! Сквозь годы и годы, пламенея невосполнимой тоской о тебе, я не был одинок. Никакая другая не затмила твой образ, хотя в каждой женщине я искал хоть чуточку тебя, мою первую и последнюю любовь, мою женщину из женщин!..

Спасибо тебе, что ты есть в моей судьбе! Тебе и только тебе я посвящаю эти строки...

* * *

И о тебе, и о судьбе
Ковались сердцем эти строки.
Родная, я не охладел,
К тебе и близкой, и далёкой.

Я тихо счастлив, что ты есть,
Пусть не со мною, но ты где-то,
Моей судьбы благая весть,
Моя весна и моё лето.

Мой самый пламенный маяк,
Мой ветерок попутный самый,
Я в качке жизни устоял -
Тобою выжил и стихами.

Я устоял и отстоял
Тебя в сердечном чувств разливе
Святая женщина моя,
Моих стихов горячий ливень!

2005

Баллада о первой любви

В юные годы, в тревожные дали
Поезд рванул, задыхаясь весной.
Слёзы твои моё сердце сжигали,
Только ли было всё это со мной?

В буднях солдатских, сквозь мрак и метели,
Как дорожил я, незримой тобой.
Письма твои, словно чайки, летели,
Только ли было всё это со мной?

Если б ты знала, как верил безумно,
Как тосковал я над каждой строкой.
Я об измене не смел и подумать.
Только ли было всё это со мной?

Глупый, зачем я рванулся с вокзала –
Там, за калиткой, под грустной луной
Пышная свадьба твоя ликовала...
Только ли было всё это со мной?

– Горько!.. – кричал я. – Любимая, горько!..
Как ты смущённо прикрылась фатой…
Сколько с весны пролетело той? Сколько?
Только ли было всё это со мной?

Милых морщинок надломлены волны:
– Здравствуй, какой ты теперь не такой…
Помнишь, когда-то…– Конечно же, помню,
Только ли было всё это со мной?

2002

* * *

Кто ты, кто? Я тебя не постиг,
Безнадёжность моя безответная,
Ты прости меня, слышишь, прости
За любовь до безумия светлую!

Моя выдумка, боль и мечта…
С каждым годом всё дольше и явственней
Надо мной твоя светит звезда,
Изводя, обжигая и властвуя.

Кто ты, кто? До последнего дня,
До последнего вздоха божественна
Для меня, одного лишь меня,
Моя радость и грусть, Моя Женщина!

* * *

По осеннему по следу –
На излом своей судьбе,
Нелюбви твоей изведав,
Чтоб не встретиться тебе,
Я уйду в холодный шелест
Отгоревших тополей.
Буду думать, как отшельник,
Об иной судьбе своей.

Будут ветры за оградой
Полуночные лихи.
О любви своей нескладной
Буду складывать стихи.
Ты такая-рассякая,
Непутёвая моя…
До утра чаи гоняя,
Успокоюсь вряд ли я.

Отдымится сигарета,
Вспыхнет новая заря…
Неужели, словно лето,
Отцвела любовь твоя?

1992

* * *

Обожгла надменной улыбкой,
Мол, ищи ты меня, лови…
Бог с тобой, золотая рыбка,
Не держу я тебя, плыви!

Ни обиды, ни зла, ни боли
На душе, как на тихом дне.
Невод чувств не заброшу боле
В твоё море безвестных дней.

Уплывай, моя золотая,
Кого хочешь - сама зови.
Твою сладкую ложь прощаю,
Сказка кончилась – «се ля ви».

Но и всё же, ты слышишь, всё же,
Если вдруг захлестнёт волной,
Возвращайся, я жду, я тот же,
Непутёвый, покорный, твой.

1985

Ты и бог мой и судья

Ах, тоска, хоть лезь из кожи,
Ты на сердце и в судьбе -
Всё на свете я заброшу
И – к единственной, тебе!

Чувством пламенным ведомый,
Отбродяживший Адам
Припаду к твоим ладоням,
Долгожданным родникам:

Вот он я – бери и помни –
Ты и бог мой и судья…
Уроню в твои ладони
Непутёвого себя:

– Остуди мои дороги,
Отпусти мои грехи.
Я – всего лишь пёс убогий
Твоих полночей глухих.

Не ищи меня другого,
Исповедуюсь, как есть:
Я к тебе вернулся снова,
Я в твоих ладонях – весь!

2002

* * *

В твоих глазах я утонуть бы рад,
И захлебнуться их голубизной,
Мне в душу въелся этот взгляд,
Неповторимый и родной.

В них встреча – небо голубое,
В разлуку – льёт осенний дождь,
Любовь – засветится весною,
В них никогда не встретишь ложь.

Ты взглянешь – и печаль уходит,
Я завороженным стою!
Мои глаза в твоих находят
Голубоглазую зарю!

1968

* * *

Я всю жизнь лепил тебя,
Ты взяла, да и растаяла,
Одного меня оставила,
Сединою ознобя.

Бесподобная моя,
Ручейком плывёшь по памяти,
Безутешным, грустным , пламенным,
Своё имя отстояв.

Уплывай в свои края,
Не врывайся в сны бессовестно,
Не сжигай меня бессоницей,
Баба снежная моя.

1999

аб
АБАЙ
АТЫНДАҒЫ
КІТАПХАНА
75984

Тебе

Душит тоскою бессонная полночь –
Болен тобою безвыходно я!
И только ты моя скорая помощь,
Самая скорая помощь моя.

Память звонит через годы и годы,
Сквозь одинокой души неуют,
Не откажи, моя самая гордая,
Испепели безысходность мою.

И уведи меня в юность далёкую,
В эти мечтательно-сладкие дни,
Хоть на мгновенье, моя черноокая,
Сердцу уставшему радость верни.

Чтобы тобою пылалось по-прежнему,
Той, пред которой не смел устоять…
Где же ты, где, моя самая нежная,
Самая скорая помощь моя?..

2002

А женщина вспомнится…

Уйдёт, как отрежет, растает в безмолвии,
Коварна, жестока иль просто горда –
Она незабвенна, сквозь мраки и молнии
Куда б ни умчали её поезда!

Земная, она возвратится бессонницей,
Дыханием юности память обдав.
И встретиться с ней вдруг безумно захочется,
Пусть даже на целую жизнь опоздав.

И так затоскуется, так затоскуется
О той, что когда-то коснулась души,
Что сердце метелью незваной взволнуется
И вспомнит её – хоть картину пиши!

И эта тоска о судьбу не расколется,
Не спрячется в ночь, как последний трамвай,
Ведь женщина вспомнится, женщина вспомнится,
Хоть тысячу раз ты её забывай…

1992

* * *

Любимая, когда звездою поздней
Сорвусь с небес и упаду во ржи,
Не проливай нахлынувшие слёзы,
Я слишком счастлив, что тобою жил.

Любимая, когда полынный ветер
Коснётся горьким трепетом души,
Прошу, не верь, что нет меня на свете,
Как мною, этим ветром надышись.

Любимая – и большего не надо,
Лишь только к небу подними глаза:
В далёких звёздах ты прочтёшь в награду
Всё то, что не успел тебе сказать…

2005

* * *

Не объясняй мне, дорогая,
Что ты давно другим испита.
Не надо мне иного рая,
Чем пыл любви твоей открытой.

Нужна ты мне такой, как есть,
И не иной. Нет, нет, не думай,
Что это мой обман и лесть,
Под этот свет, хрустально-лунный.

Нужна ты мне, как солнце в небе,
Как мой далёкий край родной.
Таким влюблённым ещё не был…
Не уходи, постой, постой…

Но ты уходишь безвозвратно,
Не веришь ты в любовь мою.
Мне не вернуть тебя обратно –
Один я с ночью остаюсь.

Ну что ж, ведь в жизни так бывает:
Любовь проходит мимо нас.
Она, порой, не замечает,
Что любим мы лишь только раз.

1968

* * *

Вьюга, вьюга пуржит белым снегом!
Вьюга душу тревожит мою.
Мчится время размашистым бегом,
Ну а я всё на месте стою.

Опустился я, опустился…
В голове опохмельный звон.
И тебе я в любви объяснился,
Потому что уже был влюблён.

Потому, что сгорели чувства,
В безответной любви моей,
Потому на душе моей пусто
С тех далёких прошедших дней.

Но и всё же – с лукавой улыбкой
Привлекаешь меня к себе,
И в твоих объятиях гибких
Забывать я стал о судьбе.

Но сегодня, под вьюгу страстную,
Протрезвел я, на ноги встал.
Догоню я время прекрасное –
Я ещё не совсем отстал.

Вьюга, вьюга пуржит белым снегом…
Вьюга, вьюга, я стал другим,
Я бегу размашистым бегом,
Вместе с временем дорогим!

Ноябрь 1968

* * *

Не про меня твои печали,
Твоя тоска не про меня.
Но ты являешься ночами,
Меня бессонницей пленя.

Я не умею падать в ноги
И писем чувственных писать,
Но я люблю тебя, и Боги
Не смеют это отрицать.

И в каждой женщине с волненьем
Тебя хоть чуточку ищу…
Я это смею, слышишь, смею,
Я это сам себе прощу!

Не отрекусь и не отчаюсь,
Тобою трепетно дышу.
И, умирая, буду счастлив,
Что я с тобою ухожу…

1998

Мадонна

Вы тайна тайн с улыбкой на устах
И взглядом упоительно бездонным.
Пред Вами я робею неспроста,
Лишь выдыхаю чувственно: Мадонна…

А Вы куда-то гордо и легко,
Со лба откинув прядку золотую,
Уходите. Любуюсь я тайком
И силуэт Ваш тающий целую…

Спасибо Вам, о, женщина-мечта,
За то, что Вы зажгли меня стихами,
За счастье видеть Вас хоть иногда
И пламенеть, божественная, Вами…

2000

* * *

Крыльями взмахнула рук
И растаяла, как лето,
И оставила поэта
На осеннем на ветру.

Листьев жёлтая пурга
Закружила между нами...
А на сердце тяжкий камень,
И тоска, тоска, тоска…

Будет так наверняка:
Ты мне душу воспалила,
О тебе, невосполнимой,
Будет каждая строка.

Ты заявишься во сне
И отчаянно пробудишь:
За окошком будет снег,
А тебя, увы, не будет…

1979

* * *

– Забудь её! – твердил рассудок,
Взрывалось сердце: «Не посмей!»
Тобой, моей заветной сутью,
Страдал я в тишине ночей.

Ты дерзостно в меня входила,
Глухой бессонницей казня,
Дарила свет и мрак дарила,
Терзая чувственно меня.

Тобой безумно я болею,
Влача разлуки тяжкий крест,
Забыть – не смею, не сумею,
Входи в меня – я вот он весь!

* * *

Сплошь и рядом хлюпь да хлябь,
Хлещет ливень с небосвода.
Непогода у руля
И на сердце непогода.

Улетела, ну и пусть,
Разлюбила, ну и ладно.
Было солнечно и складно,
Стало холодно чуть-чуть…

Ни письмом и ни звонком
Твой покой не потревожу,
Щурясь в серость бездорожья,
Горький сглатываю ком.

Переходит ливень в снег,
В чужедальней стороне,
Может быть, с другим под руку
Ты воркуешь о весне.

Предаваясь сердца стуку,
Я не стану ревновать,
Может быть, найду другую,
Чему быть – не миновать,
Как-нибудь перезимую.

1977

* * *

Отлюбил я тебя, отрубил,
Отгорел безутешной любовью,
От души говорю, не злословлю,
Может быть, сам себя я убил.

Золотая моя ты беда,
Столько лет, столько зим, столько вёсен –
Бесконечная ты моя осень
И разлука моя – навсегда.

2001

* * *

Земля покрыта жёлтою листвой,
Поют цикады о прошедшем лете.
А я всё так же дорожу тобой,
Хоть мои письма не найдут ответа.

Так приди же ко мне тем осенним дождём,
Что омыл наши прошлые встречи,
И навстречу мечте мы с тобою пойдём,
И любить буду я ещё крепче!

1967

* * *

Сад увядший всё дальше и дальше,
В небе ветер, да тучи, да свист…
Я молился на молодость Вашу,
А теперь – хоть на чёрта молись.

А теперь, в бездорожье осеннем,
Лист летящий ловлю, как звезду…
Я б молился на Вас до последнего,
Да остались Вы в летнем саду.

1985

* * *

Вагонов необузданнейший лязг
И глаз твоих зелёные бокалы
Вот-вот прольются… Только не сейчас –
Ещё прощаться время не настало.

Прости меня, любимая, прости
За то, что ненароком уезжаю…
Я не простыл к тебе и не остыл,
Спасибо, что меня ты провожаешь.

Я возвращусь! Какая ерунда:
Туда – сюда – и снова будем вместе.
А если вдруг… Любимая, тогда
Не обжигайся роковою вестью.

Тогда, тогда сполна их опрокинь,
Зелёных глаз печальные бокалы.
Ну а пока себя побереги –
Ещё прощаться время не настало.

1998

* * *

Нет, нет, с ума я не сойду,
От холодов твоих продрогнув,
И никогда твою дорогу
Отныне я не перейду.

Себе отчаянно клянусь
Тобою не тревожить память.
Твой дерзкий смех – он между нами –
Его услышать я боюсь.

Но ты гроза, моя гроза
Зачем к себе меня взываешь?..
И снова сердце разбиваешь –
Глаза в глаза, глаза в глаза…

* * *

Жалкий клоун твоих постановок,
Безрассудно плетусь за тобой.
И никто меня не остановит.
Выбор сделан! Сомненья – долой!

У руля мои лучшие чувства
И души огневой непокой,
Так играй же, играй, так хочу я,
Я с тобою, такой молодой.

Отыграешь, забудешь, я знаю,
Так целуй же меня горячей,
Молодая моя, золотая,
В мою осень ворвалась, зачем?..

* * *

То кроткую, то властную,
То грустную до слёз,
Люблю тебя я разную,
Желанную насквозь.

И Крым и Рим прошедшую,
Сошедшую с иглы,
Мятущуюся женщину
Из роковой игры.

Сжигай, моя залётная,
Сжигай меня дотла,
Тоска моя болотная,
Судьбы моей игла.

* * *

Та, на которую молился
И до звезды превозносил,
Прошла, играючи, как киса,
И с толстосумом – на такси…

Прошла, как будто не узнала,
А я узнал тебя, узнал,
Ту, что стихи мои читала
И отвергала наповал.

А я тебя не отвергаю,
Как и тогда, так и теперь,
Гуляй, мечта моя былая,
Живи, как хочется тебе.

Дыми зелёными глазами,
Себя бесстыдно продавай...
Любви закончился экзамен,
Прости-прощай, не унывай.

А я останусь, я останусь
С тоскою прежней о тебе.
Мои стихи тебя достанут –
Я отвечаю, хоть убей!

Любимой

Когда-нибудь ворвусь я в твою ночь,
Глухую ночь моей надежды светлой,
Когда-нибудь, когда обронят ветви
Последних листьев пламенную дрожь.

До седины наполненный тобой,
В твои глаза я загляну бесстрашно,
И ты впервые «уходи» не скажешь,
Обронишь тихо: «Сумасшедший мой!..»

Промчатся годы в несколько секунд,
Сердца зажгутся исповедью поздней…
Когда-нибудь, когда заплачет осень
О том, что юность нам не возвернуть.

* * *

Забуду тебя, оттоскую,
Остыну. С ума не сойду.
Быть может, я встречу другую
И с нею покой обрету.

Быть может. Но только такую,
Как ты, я уже не найду.

Твои глаза

То синевой меня ласкают,
То мечут молнии, в упор…
Влекут к себе… И отвергают,
Душе моей наперекор.

Два непокорно-гордых ока,
Под сенью бархатных ресниц,
Меня не любящих нисколько,
А мной, любимейшие из…
Любимейших!

* * *

Тебя носить бы на руках,
Тобой любуясь неустанно,
Но ты кочуешь наугад,
И наркоманка, и путана.

Нет, это вовсе не судьба,
А у судьбы на побегушках:
Бесстыдно продавать себя,
Иглой опустошая душу.

Ещё улыбкой ты цветёшь,
В мечтах блаженствуя и тая.
Пройдут года, и ты поймёшь,
Что всё когда-то отцветает.

Канаты прошлого рубя,
Вдыхая жадно свежий ветер,
Ты ищешь ревностно себя,
Которой нет уже на свете…

* * *

Сам тебя взлелеял я,
Взглядом твоим взорванный,
Черноокая моя,
Радость моя кровная.

Мой отчаянный тупик
И моя бессонница,
Мне тебя не разлюбить
И не успокоиться.

Этот сладкий пить мне яд
До седого инея…
Почему ты не моя,
Женщина любимая?..

* * *

По гороскопу ты – «змея»,
А я – какая-то там «рыба».
Не обойду тебя я, ибо
Ты не выходишь из меня.

Ты обвила меня тоской
И непридуманною грустью,
Ты обвила меня до хруста
Души, и тела, и мозгов.

Со мною будь или не будь,
Не отрекусь и не отчаюсь.
С тобою всё равно я счастлив,
Хоть навсегда меня забудь!

По гороскопу ты – «змея» –
Ужаль, любимая, меня!

* * *

Шаловливо степенна,
По-девичьи юна,
И в кого-то, наверно,
Как и все влюблена.

Подойти не рискую,
Никну ниже травы,
Не пою: «Мне б такую»,
Обращаюсь на «Вы».

В мою осень нежданно
Вы ворвались грозой,
Долгожданной, желанной,
Майской, давнею той…

Гром гремел и сверкали
Молний дерзких штыки.
Ее губы шептали:
–Ты себя береги…

На перроне промокшем
Расставались мы с ней…
На нее Вы похожи,
Наяву, не во сне.

Я влюблен в Вас за это,
А года – пустяки.
Извините поэта
За шальные стихи.

* * *

Светает… И ты, как святая,
Ресницами очи смежив,
Улыбкою губ расцветая,
Рассвету себя обнажив.

В каких облаках ты витаешь,
О чем твоё сердце поёт,
Что снится тебе, молодая?
Да светится имя твоё!

Ослепила ты мне душу

Чернобровая Танюша,
Я пленён тобой,
Ослепила ты мне душу
Глаз голубизной.

Я тебя тогда искал
Лунными ночами,
Только ты пришла сама
Светлым днём, случайно.

Может, также и уйдёшь,
Скажешь: « Нет, не стоит».
И осенний хлынет дождь,
Захлестнёт тоскою

Сентябрь 1968

Золотая моя, молодая

I

О таких не говорят
О таких вздыхают
Про себя. О, я так рад,
Что ты вся такая!

II

Как озоном тобою дышу,
Все канаты иные рубя.
Хоть убей, я тебя допишу,
Дорисую тебя, сквозь себя.

Я цветов никому не дарил,
Это ты научила меня
В твои белые руки ронять
Розы майские цвета зари.

Твоё имя под сердцем ношу,
Ожиданием встречи кипя,
Хоть убей, я тебя допишу,
Сквозь себя дорисую тебя.

III

Я выброшу тебя из головы,
Мою зеленоглазую пермячку,
Капризно-своенравную босячку,
Избранницу удушливой молвы…

Я выброшу тебя из головы,
Красивейшую женщину-гордячку,
Мою кровоточащую болячку,
Которую не излечить, увы.

Которая меня не раз с пути
Сбивала, мною дьявольски играя,
Которая, сама того не зная,
И день, и ночь стучит в моей груди!

Я выброшу тебя из головы…

IV

А я цветы тебе дарил
От всей души и всего сердца.
Что о любви не говорил,
Прошу, любимая, не сетуй.

Твоей улыбкой я дышал
И таял в ней тюльпанно-алой.
Взрывалось сердце! А душа
Букетом чувств благоухала.

V

Не держу я тебя, не ругаю,
Ты уходишь, как сон мой, легка.
Золотая моя, молодая,
Мне носить бы тебя на руках!

Беспросветная милая лгунья,
Не могу я расстаться с тобой.
И лелею тебя, и ревную,
И рисую твой образ живой.

Бесшабашная сердца влюблённость,
Увлечённость оставшихся лет,
Моя страсть и моя окрылённость,
Мой безумно-счастливый рассвет.

Ты уходишь, такая-сякая,
Так целуй же меня горячей.
Молодая моя, золотая,
В мою осень ворвалась зачем?

VI

Так надо, чтоб ты была рядом,
Чтоб рядом была – сквозь года,
Всегдашняя ты моя радость,
С тобою и я – хоть куда.

Нежданно-негаданно юность
В мои сентябри забрела
И тронула чувств моих струны
И трепетно сердце зажгла.

Зелёным чарующим взглядом,
Меня уводя в снегопад…
Так надо, любимая, надо,
И пусть там хоть что говорят.

2004

Моё очарованье

Хрустальный хруст твоих шагов
Я в утреннем ловлю морозце…
Средь ослепительных снегов
Ты как дюймовочка на солнце!

А я – лишь взглядом за тобой,
Любуюсь чувственной походкой:
По-королевски неторопкой,
С поднято-гордой головой.

Ты мне напомнила её,
Мою Дюймовочку из яви…
Взрываясь ею до краёв,
Я любоваться тобой вправе!

И потому: ну, хоть чуть-чуть
Продлись, моё очарованье,-
Шепчу я, затаив дыханье,
И взглядом за тобой лечу…

1997

* * *

Окрестила дедушкой,
Зубками сверкнув,
Дева, дева, девочка,
Спорить не рискну.

Стройная, как вербочка,
Волос – хоть ныряй!
Дева, дева, девочка –
Юность через край!

Глазки, как воробушки,
Так и норовят
Выклевать по зёрнышку
Вспыхнувший мой взгляд.

Жгучая брюнеточка,
Пылкая душа,
Дева, дева, девочка
Режет без ножа.

2004

Не обессудь

Я каждый жест твой обожаю
И слово каждое ловлю.
Не обессудь, жена чужая,
Что я давно тебя люблю.

Перед тобою я робею,
А без тебя впадаю в грусть.
Забыть не смею, не сумею,
И сам с собой не разберусь.

Воображенье изгоняя,
Себя ругаю невпопад,
А ты такая, ты такая!
Как много лет тому назад.

Невосполнимо молодая
И горделива, и проста,
Не обессудь, жена чужая,
Моя всегдашняя мечта.

* * *

Какая сочная малина,
Как губы алые твои,
Колись малиною, Марина,
Забудь проклятый героин.

Гони себя из гадких гонок,
Рули расхлябанной судьбой!
Болей малиновой истомой,
А иногда – чуть-чуть и мной…

* * *

И снова сауна и «яма»
И беспробудная игла –
Уже отыгранная драма,
Желаний дикая игра.

Что ломок пиковую даму
Предотвратит козырный туз –
Ты это знаешь и упрямо
Влачишь вот этот тяжкий груз.

Такая юная, такая…
Не подберу к тебе слова,
Играешь мной, да так играешь:
Зеленоглазо – наповал!

* * *

Ты снова где-то зависаешь,
А я ищу тебя, ищу...
– Очнись, ты заживо сгораешь, –
Тебе, неведомой, кричу.

Но ни ответа, ни привета,
С кривой усмешкой на устах.
На грани сумрака и света -
И ты, и ночь, и пустота…

Ох, уж эти бабки

Закурила жадно, по-мужски,
Засверкала взглядом – на куски!
Чемоданы в руки – и айда!
Ну куда ты, Райка, ну куда?

Подглядели бабки, донесли.
И теперь один я – ой, люли…
Ну зачем мне это, как под дых…
Столько лет на ветер, золотых.

А всего-то с кем-то поболтал,
Ох, уж эти бабки, мать их так!

Я к Вам спешу

Я к Вам спешу бессонными ночами,
Всего себя тоскою иссушив,
Я к Вам спешу горячими стихами,
Строка к строке, от сердца и души.

Рука к руке – я с Вами расставался,
Поры счастливой замыкая круг.
Глаза в глаза – я Вами упивался,
Глаза в глаза – Вы отвернулись вдруг.

И Ваше «нет», щемящее сквозь годы,
Звучит во мне оборванной струной…
Вы уходили молчаливо-гордо,
А я стоял с протянутой рукой.

И понесло меня по бездорожью,
Искал я Вас, хоть чуточку, в других.
Но на других, увы, Вы не похожи,
Богиня чувств и помыслов моих!

Я не погряз в отчаянном бедламе
И не остыл в объятиях чужих,
Я к Вам спешу, прекрасной самой даме,
«По телеграмме сердца и души».

* * *

Шептались: дева старая,
Давно б кому женой…
И не один настаивал –
И получал отбой.

Но вот однажды встретила,
Влюбилась без ума!
Уехал парень ветренный –
Ни звука, ни письма.

Шептались: дева старая…
Взяла и понесла!
Заботами истаяла,
Пока его ждала.

Назвала сына Ванею,
Иваном, от земли!
И званые, незваные,
С цветами все пришли.

За белою за скатертью
Гостей был полон дом.
Назвали её матерью,
Счастливою, притом!

2002

* * *

Рванула майская гроза,
Как правда на' кон!
Утри печальные глаза,
Не надо плакать.

Разлука – это не беда,
Начало встречи.
Вот не вернусь к тебе, тогда
Поплачь покрепче!

«Отчаянная» поэзия

Впервые Владимира Краковского я увидел в литературном кафе, где мы и познакомились. Довелось нам тогда сидеть за одним столиком. Что это за человек, и какой это поэт, мне довелось узнать позднее. Интересно то, что в этот день мы оба принесли свои стихи о собаке. Именно этот факт и вызвал у нас заинтересованность друг другом. Конечно, моя проба пера не могла и близко сравниться с профессионализмом Володи, но на тот момент я этого просто не понимал. Это уже потом, с течением времени я четко осознал свои недочеты, на которые мне указал Володя. Забавно, но в тот вечер меня более привлекли другие поэты, которые очень ярко выступали, много говорили и активно обсуждали поэзию. Он же в противовес им был очень скромен и малословен. Он не «тянул на себя одеяло», не привлекал излишнего внимания, но сам был очень внимателен к выступающим.

В Таразе на протяжении нескольких лет активно существовало литературное объединение, где собирались практически все поэты и сильнейшие филологи нашего города. Основная задача объединения состояла в том, чтобы поэты могли услышать критическое мнение о своих новых работах. И подавляющее большинство поэтов во всеоружии встречали критику. Спорили, доказывали свою правоту и т. д. Володя же, когда случались вопросы к его произведениям, реагировал спокойно, не спорил, внимательно слушал и делал какие-то пометки. Уже потом, дома, наедине с собою он перечитывал свои произведения, чтобы понять, где он мог допустить ошибку. Речь, конечно, не идет о грамматике. Есть в стихосложении такой термин, как авторская глухота. То есть, это какие-либо явные стилистические и смысловые ошибки в художественном произведении, не замеченные автором. Причины этих ошибок различны, и одна из них (непроизвольная), это когда увлечение главной задачей вытесняет из поля внимания отдельные детали. Надо заметить, что явления таких ошибок встречаются у всех, без исключения, литераторов.

На следующем же собрании в тех случаях, где Володя согласился с критикой, мы уже могли видеть новый вариант стихотворения. Однако надо сказать, что критика тоже не всегда была права, и тогда он доказывал обратное. Вообще, это очень редкая черта для многих пишущих, но он понимал, что взгляд со стороны его соратников и простых читателей – одна из важнейших составляющих поэзии. И в этом я убедился

ещё раз, когда он предложил мне быть главным редактором его первой книги «Тобою выжил и стихами». Работал он тогда, как никогда в жизни, и это понятно, ведь в свет готовился не просто сборник лучших произведений, это была итоговая черта его многолетнего творчества. И он просто не мог себе позволить каких-нибудь нелепых случайностей.

В последний раз Володю я видел за несколько дней до его кончины. Как сейчас помню тот теплый весенний день, когда мы с ним сидели у меня на балконе и пили крепкий чай. Он очень любил чай. (Невозможно даже представить, как бы Володя писал стихи без чая – верного спутника его неповторимых строк. А творил он отчаянно, взахлёб.) Когда он заходил ко мне в гости, я сразу же ставил чайник, и мы могли по нескольку часов беседовать о поэзии, читать стихи и просто балагурить. Настроение у него тогда было приподнятое, так как наконец-то положительно решался вопрос с квартирой, о которой он долго мечтал, его творчество было на подъеме, и вообще он был настроен изменить свою жизнь в корне, но, увы…

За долгие годы знакомства с Володей я знавал его разным: и с лучшей, и с худшей его стороны, но в моей памяти он навсегда остался тихим и скромным человеком, прекрасным собеседником и чаевником, но в первую очередь, конечно же, талантливейшим поэтом. Поэтом с большой буквы.

В. Краковскому

Крепкий чай, лимон и строчки,
Словно небо и луну,
Он смакует по глоточку –
Выпивая тишину.

Осень прыгает по лужам,
Облетает на ветру…
На изломе вынув душу,
Подвела судьба черту…

Дмитрий Вайсбеккер-Иванов
Поэт, прозаик, журналист. Лауреат I премии в номинации «Литературное творчество» Международной премии «Филантроп» за выдающиеся достижения в области культуры и искусства, Москва, 2014 г.

Бьется майского ветра живая волна

Отцу

В белых яблонях бродишь, цветя сединой,
Ищешь самую яркую в небе звезду,
И, пропахнув цветущей прохладой ночной,
Ты не спишь до зари, в тишине своих дум.

Бьётся майского ветра живая волна,
Соловей, задыхаясь, мелодии бьёт!
Далеко-далеко отгремела война,
А ты слышишь её, а ты видишь её…

В старой ране твоей тяжелеет свинец
Нескончаемой памятью жарких атак,
Твоё личное дело в районный собес
Сдало время, но ты не сдаёшься никак.

В белых яблонях бродишь, цветя сединой,
Ищешь самую яркую в небе звезду –
И ни шагу назад, как на передовой,
В том далёком и грозном военном году…

2005

Баллада о фронтовом письме

Ни взрывов, ни танков на передовой,
Лишь травы – в штыки! Да весна над войной.
В оконном затишье гармошечка влёт
То громче, то тише за душу берёт.

Шинель расстегнув, отложив автомат,
Вверяет письму свою душу солдат:
« Привет тебе, мама! Здоров твой боец!
У нас здесь, на фронте, весна, наконец…»

И больше ни слова! И к бою! И в бой!
У сердца письмо и затвор под рукой.
Упал головою на запад боец,
Сразил его сердце горячий свинец…

А бой продолжался, а враг отступал,
А враг был разбит и сражен наповал.
За дело святое, за Родину-мать,
За мать, что не сможет письма дочитать…

2005

Полонез

После боя в окопе сыром
Полонез заиграл капитан.
Словно майский раскатистый гром,
Рассыпался по душам баян.

И притих, и заслушался взвод
Средь зелёных уже тополей…
Таял, таял усталости лёд
На немецкой весенней земле.

Души брал полонез на излом,
И пускался по кругу кисет…
Каждый думал о чём-то своём,
Но о Родине думали все.

2004

Отец

Как трава по осени,
Увядают волосы,
Слышен скрип полозьев
В глуховатом голосе.

Сколько вёрст отмахано,
Роковых, отчаянных,
Сколько горя вспахано,
Чтоб жилось мне счастливо.

Взноют раны давние,
На погоду зрячие,
Выйдет к старым яблоням,
Осенью охваченный.

Что ему припомнится:
Радость, грусть ли горькая –
Будет знать бессонница,
Да звезда далёкая.

Не уснёт, беспомощный,
Над альбомом выцветшим –
Парень в гимнастёрочке
Душу ему вызнобит.

Ах, как улыбается,
Чернобровый, ветренный…
В то, что он состарится,
Бате не поверится.

* * *

А мне война оставила
Рассвет непотревоженный,
Времянку привокзальную,
Отцовскую медаль.

И огород за ставнями,
Совсем не огороженный,
И непонятно тайную,
Волнующую даль.

За тыквенною кашею
Я слушал сказки бабушки,
А к вечеру, уставшую,
Встречал с работы мать.

Играли мы с ней в ладушки,
Она шептала на ушко:
– Я напеку оладушек,
Пора, сыночек, спать…

Луна, как тыква спелая,
Закатывалась в комнату.
И мать, как лебедь белая,
Склонялась надо мной:

– Сынок, тебе не холодно?-
И укрывала сонного,
Глаза её бессонные,
С тех пор, передо мной…

* * *

Гремите оркестры,
Победные марши,
Сегодня всё к месту
На празднике нашем.

Пусть слёзы туманят
Глаза ветеранов.
Осталось их мало
Войны великанов.

Седых и суровых,
Весёлых и грустных –
Им первое слово,
Им лучшие чувства!

И вечная память
Ушедшим и павшим,
И слава живущим
Поныне бесстрашным!

И тост за Победу,
За вас, ветераны!
Оставлены беды,
Остужены раны.

Сердец ваших стуки
Как в том сорок пятом…
И с дедами внуки
И правнуки рядом!

2000

Здесь все равны…

Здесь все равны, и добрые, и злые,
Звезда ли, крест над головой.
Здесь все мертвы, лишь изредка живые
Над ними землю окропят слезой.

Кому цветы, ну а кого забыли…
Кусты полыни их покой хранят.
И не о них ли ветры загрустили,
Вплетая в горечь терпкий аромат?..

* * *

В эфире песня зазвучала
О безымянной высоте.
И понял я, что не случайно
Застыл, как памятник, отец.

Слова живые, ножевые,
Его отбросили туда,
В сороковые, роковые,
Невосполнимые года.

На ту горячую высотку,
Где был приказ: «Не отступать!»,
Где бил врага прямой наводкой,
Где в кровь израненный упал.

Где выли мессеры истошно,
Где судьбы плавились в огне,
Где много их, друзей хороших,
Лежать осталось в тишине…

Бугрились скорбною печалью
На жёстких щёках желваки.
Он выжил, их однополчанин,
Судьбе-злодейке вопреки.

Слезу невольную украдкой
Смахнул, прищурившись, отец.
– Пап, что с тобою? – Всё в порядке!
Он был всегда на высоте.

ДОСМО
1888
24/IV-45г.

У обелиска

Преклоняюсь пред памятью павших.
Как бы ни был тот день отдалён!
Я спасён их бессмертным бесстрашьем,
Их последним дыханьем спасён.

2003

Горькая память

Когда торжественно и немо
Салют рассыплется последний,
Их полоснёт ночное небо,
Звездой сорвавшейся, по сердцу.

И предвоенных лет погодки,
Они отцов в лицо не вспомнят,
Смахнув слезу с лица украдкой,
Они их вспомнят поимённо.

По вещмешкам, бедою полным,
По силуэтам у вагонов,
По долгожданным с фронта фоткам,
По горьким, горьким похоронным…

1985

Михайловна

У Михайловны голос девичий,
У Михайловны грудь высокая,
Залюбуешься вслед походкою
И в года её не поверится.

Удивляются: ишь, как выглядит,
Раздевичилась не по возрасту…
А Михайловна не от прихоти
Тридцать с лишним лет красит волосы.

А Михайловне снится девушка,
Нина-Ниночка, гордость ротная.
И кружат-кружат вражьи демоны,
Над её судьбой и над Родиной.

Автомат в руках и в глазах огонь,
И не счесть атак – только пыль с погон!
Не седую прядь в восемнадцать лет,
Ей бы, Ниночке, васильков букет…

Не от этого ль в сердце молодость,
Что любила жизнь – до бесстрашия!
Платье с вырезом, туфли модные,
Всё к лицу тебе, и не спрашивай.

Как пойдёшь плясать, чернобровая,
Мужиков с ума сводишь запросто,-
Ах, Михайловна, – это здорово,
Удивляются пусть… до зависти!

Моё богатство

Вот оно, моё богатство:
Дым костров и гомон птиц,
Улыбаться, углубляться
В шум берёзовых страниц.

Позабыв, что ты есть смертный,
Уронить лицо в родник.
И опять навстречу ветру –
В чащу леса, напрямик!

У замшелого оконца
В миг застыть, как монумент:
Вдруг напомнится о ком-то,
Кто ушёл в пучину лет.

И понять, что по России
Ты шагаешь так легко,
Потому, что здесь, в осинах,
Кровь отцов лилась рекой…

Сколько их, парней приветных,
Здесь в окопах полегло,
Чтоб жилось мне, вместе с летом,
Так привольно и легко.

И откинув жизни даты,
Вдруг понять, взирая ввысь:
Память вечная солдатам,
Что легли за нашу жизнь!

Слово о поэте

Владимир Краковский – поэт незаурядный, со своим литературным и житейским характером. Он индивидуален и самобытен. Его неповторимый, легко узнаваемый стиль создаёт необычные образы и погружает в особый, индивидуальный мир. Простота стиха Владимира соответствует простоте его души – но это простота высокого искусства. Каждый эпитет любого его стихотворения не просто наблюдателен, а проникновенен, ибо схватывает внутреннюю суть явления. Стихи его не постановочны – они живые, они искренние, они трепетно передают подлинное состояние души поэта.
Стихи Краковского – особенные по форме и содержанию – узнаваемы, их не спутаешь ни с какими другими: у них своя тема, своя музыка, своя тональность и свой свет.

Владимир имел от природы чуткий поэтический слух, поэтому его стихи часто звучат как музыка. Музыка эта гипнотически действует на читателя, и часто при первом чтении за кадром остается само содержание. Мысли и чувства автора, свобода суждения и точность даже мгновенных оценок открываются читателю не сразу. Поэт словно проводит ритуал посвящения – проверяет, одной ли вы с ним крови.

Острое поэтическое зрение Владимира – тоже, видимо, природное – делало его способным видеть мир не со стороны, не в перспективе, а изнутри. Поэтому, когда читаешь его стихи, понимаешь, насколько остро сам поэт ощущал одновременно свою связь с этим миром и свою чужеродность в нем.

Удивительна по форме и содержанию любовная лирика Краковского! Отношение его к возлюбленной сродни пушкинскому отношению – тот тоже был счастлив лишь от присутствия ее в его жизни. Ни слова упрека, ни тени обиды – спасибо, что просто была. У Владимира мы читаем то же:

Я тихо счастлив, что ты есть,
Пусть не со мною, но ты где-то,
Моей судьбы благая весть,
Моя весна и мое лето…

Любовь и поэзия – два неразрывных спутника жизни поэта Краковского. Тот факт, что свой единственный прижизненный сборник стихов он назвал «Тобою выжил и стихами», подтверждает мои слова. Его стихи о любви дышат искренним чувством. В них – всё: и теплое дыхание весны, и холодные

раздумья осени, в них – радость и отчаяние, вера и безнадёжность… Читая его исповедальные строки о любви, каждый из нас может сказать: «Эти стихи обо мне, эти стихи для меня».

И так затоскуется, так затоскуется,
О той, что когда-то коснулась души,
Что сердце метелью незваной взволнуется
И вспомнит ее, хоть картину пиши…
И эта тоска о судьбу не расколется,
Не спрячется в ночь, как последний трамвай,
Ведь женщина вспомнится, женщина вспомнится,
Хоть тысячу раз ты ее забывай…

Меня всегда удивляло: как Владимир, при его образе жизни, при частом непонимании и неприятии со стороны окружающих, сумел сохранить по-юношески восторженную любовь к жизни?.. Иногда мне кажется, что он сам чинил себе препятствия, сам перекрывал дорогу к личному счастью и благополучной жизни – так ведь поступали многие поэты, чтобы через отказ от материального комфорта обрести комфорт творческий. Стремление обычного человека к материальному благу они сводили к нулю, чтобы ничто не отвлекало от внутренней сосредоточенности на душевных переживаниях. Лишения и страдания делали острее их поэтический слух и зорче художественное зрение, без чего не становятся поэтами. А Краковский был Поэтом. Я не хочу это слово обставлять эпитетами, дозирующими «масштаб поэтности» Владимира: великий, большой или крупный... Ему бы это не понравилось. Во всех этих эпитетах – наше восприятие, но суть – в самом определяемом слове. Поэт – явление редкое, и потому уже замечательное.

Петр Вотинцев
Поэт. Служил в ВВС Советской Армии, летчик, участник событий в Чехословакии и Афганистане, подполковник в отставке.

Пахнет яблоневым ветром...

* * *

Пахнет яблоневым ветром
В стороне моей заветной.
Этот запах, сладкий запах
Не на север, не на запад,
Хоть с закрытыми глазами,
Я с вокзала, прямо к маме!
Словно сторож, дремлет тополь,
Чемодан с руки и – оп-па!
Наконец-то я притопал.
Я будить не стану маму,
В сад калиточка и прямо,
Раскладушка и подушка,
Всё на месте, всё, как нужно.
Упаду, а завтра, завтра –
Чай с малиновкой на завтрак!
Пахнет яблоневым ветром
В стороне моей заветной…

1977

У мамы

Кресты и звёзды в траурной тиши,
Гранит и мрамор, и тропинка между,
И я у мамы, самой моей нежной,
По телеграмме сердца и души.

Я – вот он, мама, пред тобою весь,
Твой, с малых лет сыночек непутёвый,
Ещё « скриплю», вернувшийся «по новой»
Из недостойных отдаленных мест…

Вскипает болью жгучая слеза,
Неудержимо, по щеке – и наземь.
И с обелиска, мамины глаза,
Меня готовы вызволить из грязи…

Клянусь свой крест достойно донести,
Хватает, мама, без тебя – ни шагу!
За жизнь мою, похожую на шалость,
За всё, за всё, родимая, прости!

1996

О тыкве

Луна, как тыква спелая,
Закатывалась в горницу.
Варилась тыква, фыркая,
На радость всей семьи.

Я ел её, румяную,
По ложке, с уговорами:
За матушку, за бабушку,
За папку и себя.

Потом играл я с тыквою,
Огромной, круглой тыквою,
Катал её по комнате,
Лишь только бы не есть.

И голова, как тыковка,
Крутилась во все стороны.
Сидел божком я, тыквенным,
На тыквенном горшке.

1978

Про рыбака и рыбку…

Про рыбака и рыбку
И про царя Салтана
С приветливой улыбкой
Мне бабушка читала.

Слипались мои глазки,
Но слушал я и слушал.
В меня входили сказки
И Александр Пушкин.

А с берегов палили,
Пристать веля нам пушки,
Но плыли мы и плыли:
Бабуля, я и Пушкин.

Мы уплывали в детство
Со сказочным поэтом…
И с замираньем сердца
Мне вспоминать об этом.

* * *

Над моею родиной небо в звёздах-родинках,
Льёт кумыс серебряный пиала-луна.
В ночь листочки выбросил тополёк молоденький,
Знать, к утру вся улица будет зелена!

Над моею родиной журавли гортанные
Закурлы-курлыкали в звёздной вышине.
Птицы мои вещие, журочки желанные,
Проводил вас осенью, встретил по весне.

Над моею родиной, ах, как упоительно
Дышит март бессонницей душераспашной!
До самозабвения аромат живительный,
Над моею родиной дышит всё весной.

1997

* * *

Я дома, я дома!
Зари расплескался багрянец,
Вдоль утренней трассы
Расцвёл изумрудный ковёр,
И как на ладони,
Стоит предо мною , красавец,
Двухтысячелетний
Оазис в подножии гор.

Мой солнечный город,
Тебя с золотым юбилеем!
Он грузен поныне –
Твоих караванов поток,
Невесточки вишни
И слева и справа белеют,
И здорово мне
С ветерком по весне на авто!

Пред бронзовым старцем
С почтением я преклоняюсь,
Звенят его песни
И память о нём высока.
Тараз мой весенний,
С тобой не поверю я в старость.
Твои подо мною
Плывут и плывут облака.

Я дома, я дома!
И радостью праздничной ранен,
Мой ласковый город,
Спасибо тебе от души.
Весёлый и грустный –
Я твой отбродяживший странник,
И слышать, и видеть ,
И петь мне тебя разреши.

* * *

Ёлочка зелёная, ёлочка пушистая,
Снегом убелённая, в солнце – серебристая,
Для тебя одной лишь душу открываю,
И тебя, – «Ты слышишь?», милой называю.

В этот вечер чудный вновь к тебе я вышел.
Свет струится лунный по иголкам пышным.
Вышел попрощаться я с тобою, ёлочка.
Чувствам не уняться, – ёлочка-девчоночка!

Плечики пушистые стану обнимать,
Груди я, душистые, буду целовать.
Пусть ревнует ветер – ветер леденящий,
Жарок этот вечер от любви горящей.

Ноябрь 1968

* * *

А снег такой пушистый,
Как тополиный пух.
На тополя ложится,
Захватывая дух.

Охватывая близи
И дали белизной,
Без всяческой там визы,
Он до снежинки свой!

Как и вот этот воздух,
Живительный коктейль,
Свежайший, чуть морозный –
Бери его и пей!

Весна пришла

Белесый выдохнув туман,
Прощально подморозив лужи,
Капитулирует зима,
Земных устоев не нарушив.

И сердце трепетно стучит,
И нет ни капельки печали –
Пробились солнышка лучи,
И синью дали задышали.

Вот-вот капели зазвенят
И ручейками заструятся.
И птичий гомон не унять
Средь оживающих акаций.

Пора цветенья и любви –
И всё, и вся благоухает…
Подружек топчут воробьи,
И почки жадно набухают.

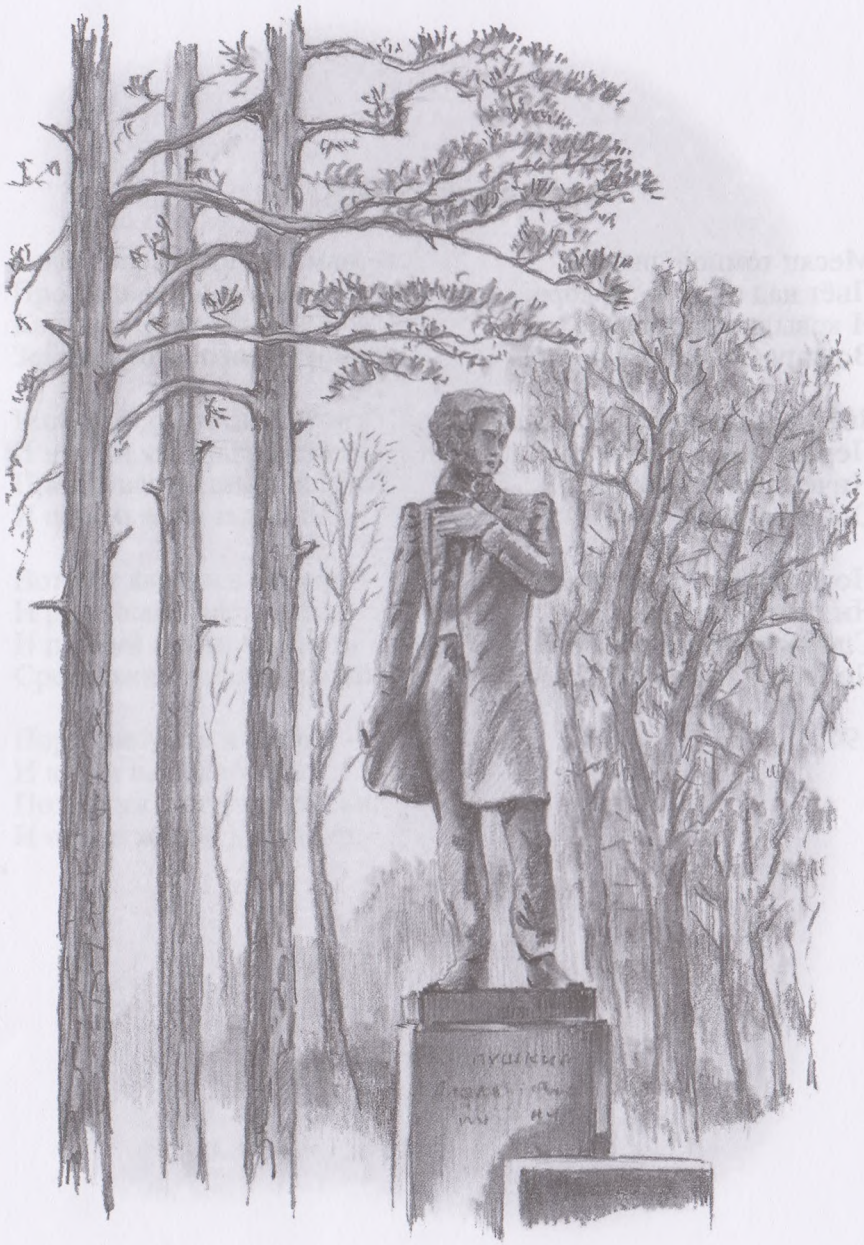
Ночь такая…

Месяц томной пиалою
Льёт над степью серебро,
И ковыль течёт рекою,
Вскинув ветер, как весло.

Звёздно, трепетно, прохладно,
Первозданно. Не во сне…
Ничегошеньки не надо
Очарованному мне.

Ночь такая, что не видно
Ни конца, ни края ей,
Словно я испил все вина
Доброй Азии моей!

1979

Пушкин в Таразе

Воссозданный до завитушек
На скулах упрямо лихих,
На улице Пушкина Пушкин
Из бронзы… Читает стихи.

Пророк и глашатай свободы,
Певец и любви и судьбы,
Сквозь годы, и годы, и годы –
Избранник народной тропы.

Великий маэстро Парнаса,
Кровей африканских арап,
Под ласковым солнцем Тараза
Тебя я приветствовать рад!

Я лиру твою уважаю,
Горжусь беспредельно тобой,
Отныне ты наш горожанин,
Из бронзы, как будто живой.

Сирень

Белокурой вспыхнув чёлкой,
Восхитительно мила
Под окном сирень-девчонка
Майским утром зацвела.

Росы-бусинки встряхнула,
Расчесалась ветерком
И так чувственно вздохнула,
Что заахали кругом.

Только слышно: «Ах, какая!»…
Рады ей и стар и млад.
А над нею и над маем –
Синева и солнцепад.

1975

Лунник

За горизонт лишь солнце упадёт,
Неудержимо зацветает лунник,
Цветок, рождённый ночи накануне,
Невыразимо трепетно он жёлт.

Как светофор горячих моих чувств:
Твою дорогу перейти не смею,
И разлюбить тебя я не сумею,
И ты меня не любишь ни чуть-чуть.

Тому и быть, чего не миновать,
Спасибо, лунник, что о ней я вспомнил,
Цвети, да так, чтоб ею был я полон
И не посмел от сердца оторвать.

А лунник пьёт июльских звёзд росу
И лунный свет чарующе вдыхает…
Он отцветёт, лишь солнце воспылает
Над горизонтом, в полную красу.

* * *

В сада густые покои
И в предвечернюю просинь
Лето моё золотое
Медленно катится в осень.

Медленно падают листья,
Медленно солнце садится,
Над горизонтом повисли
Отяжелевшие птицы.

В шорохе листьев и крике
Птиц растревоженных таю.
Осени вечную книгу
Завороженно листаю…

1990

Осенний этюд

И налево, и направо,
Снизу вверх и сверху вниз,
Листьев жёлтая орава
Распоясалась на «бис».

Закружила, засвистала,
С ветерком залётным вскачь…
И скрипит, скрипит устало
В два обхвата карагач.

* * *

Снег под ногами скрипит,
Белая дымка клубится.
Вышел я в лес погрустить,
С милой природой проститься.

Щиплет за щёки мороз,
Запахи ёлок струятся.
Средь серебристых берёз
Хочется мне затеряться.

Белые снежные розы
В солнца лучах засверкают,
И по щекам моим слёзы
От ослепленья стекают.

Зимнее утро встречая,
Стройные ели проснулись,
И тишину нарушая,
Белые кудри встряхнули.

Время торопится в путь:
Дома давно ждут солдата.
Лес дорогой, не забудь
Русского азиата.

Я, словно в сказочном сне,
Пьяным дышу ароматом.
Лес улыбается мне
Зеленью седоватой.

Лес подмосковный, прощай!
Ты ведь всегда был мне другом.
И лишь с тобою был рай
В суровой седеющей вьюге…

1970

К Родине

1

Отчизна, родина, землица,
Та, на которой вырос я,
Ну как тобою не гордиться,
Необозримая моя!

Налево степь, направо горы,
Струящийся с вершин Талас,
И тополиный древний город,
Оазис Азии – Тараз!

И это лето золотое,
Под солнцем, плавящим асфальт,
И звон арыка под луною,
И полуночный звездопад…

И этот яблоневый, шалый
И предрассветный ветерок.
Отчизна, родина, немало
С тобою пройдено дорог.

Не надо мне чужих пророчеств,
Чужую даль, чужой причал,
Когда есть край мой самый отчий,
Моё начало всех начал.

2

Отчизна, родина, Талас,
С вершин спустившийся в долину,
Айша биби и Тектурмас,
И журавли на север клином…

Восхода золотой штурвал
Над горизонтом изумрудным,
И мой прищур не оторвать
От красоты, рождённой утром.

Пирамидальных тополей
Атака в небо штыковая –
Весна на родине моей
И на душе – весна без края!

Сраженный упаду в траву
И землю обниму от сердца:
Твоим я не был иноверцем,
Тобою мыслю и живу.

Землица отчая, Тараз,
Оазис двух тысячелетий,
Пока я жив на этом свете,
Не расторжима эта связь!

* * *

Где Талас, с вершин сорвавшись лихо,
Разомлел по отмелям песчаным,
На прибрежных солнечных полянах
Облепили бабки облепиху.

О шипы поискололи пальцы,
С колких веток ягоду снимая,
Им за радость, бабкам, нагибаться –
Удалась на славу, золотая!

Как наварят чудного варенья,
Настоят настоек и настоев,-
Ото всех болезней избавленье,
Вам предложат самое простое…

Облепили бабки облепиху…

* * *

Над моею речкой обмелевшей
Тополя уставшие грустят,
И грустит простуженно скворечник,
Одноглазо глядя в листопад.

Берега осыпались крутые,
Обнажая корни тополей.
Неуютно, зябко и пустынно
Над угрюмой речкою моей.

Не звенят былые водопады,
Не бурлит игривая волна…
Летовало детство здесь когда-то,
А теперь лютует тишина.

Тут и там кромешное зловонье,
Тут и там стекло и ржавота.
В лягушачьем, сумеречном стоне
Уплывает речка в никуда.

В никуда, в пожизненный отстойник,
Сквозь шуршанье донного песка…
Речка, речка, как твои восполнить
Дорогие сердцу берега?

2004

Всадник

Цок, да цок – мерным цокотом,
В такт копытам качаясь,
Скачет всадник по городу,
Вдоль неоновых чаек.

Скачет древнею повестью,
Из степных бездорожий.
Наплевать ему попросту,
Что глазеют прохожие.

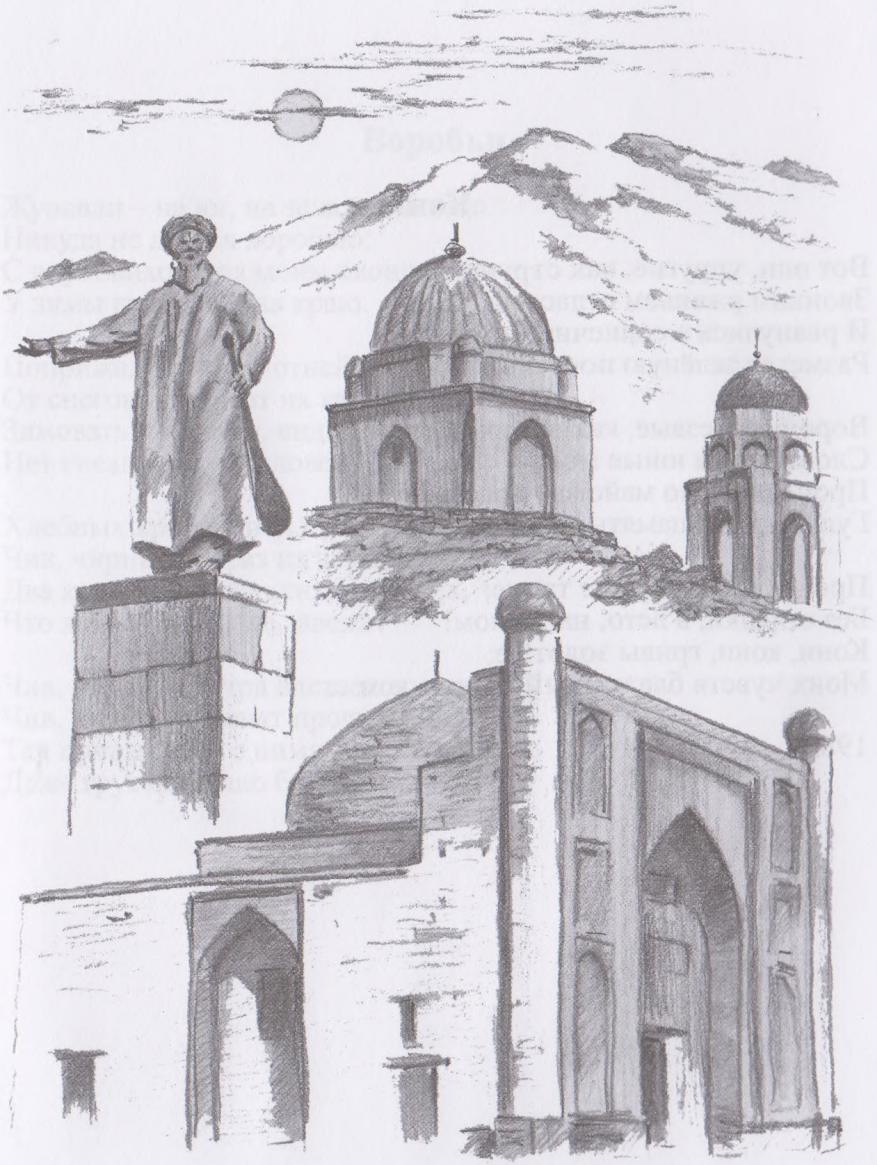
Мимо дома высотного –
К сыну старшему в гости.
Эх, лететь ему б соколом,
Да теснят перекрёстки.

1998

Мой Тараз

Я буду петь тебя, мой город,
Я не могу тебя не петь:
Без края степь, под небо горы,
Вокруг тебя не оглядеть.
Цветут на площади тюльпаны,
Живой легендой о любви
Айши биби и Карахана,
Не состоявшейся, увы…

Карагачёво-тополиный,
Зеленокрылый город мой.
Таласа райская долина,
С полувесеннею зимой –
Твои прохладные арыки
В меня впадают с детских лет.
Мой самый-самый солнцеликий,
Тебя на свете лучше нет!

Кони

Вот они, упругие, как струны
Звонким ржаньем огласили степь
И рванулись в солнечные струи,
Разметав зелёную постель.

Вороные, резвые, как ветер,
Словно годы юные мои,
Пронеслись по майскому рассвету,
Гулким эхом память раскроив.

Пронеслись, горячие такие,
Без оглядки, в лето, напролом!
Кони, кони, гривы золотые,
Моих чувств блаженный в горле ком…

1982

Воробьи

Журавли – на юг, на запад – солнце.
Никуда не деться воробью:
С воробьихой под моим оконцем
У зимы грядущей на краю.

Поприжались поплотней друг к другу.
От снегов прикроет их карниз.
Зимовать придётся, видно, туго –
Нет гнезда, так к человеку жмись.

Хлебных крошек под оконце брошу –
Чив, чирив – и враз их замели!
Два комочка, серепьких, похожих,
Что же вы гнезда не завели?

Чив, чирив – с утра влетает в уши,
Чив, чирив – и гонят прочь чужих!
Так привык, что с ними мне не скучно,
Даже грустно было бы без них.

В новом микрорайоне

О чём взвывает, жалобно щемяще,
Бездомный пёс у нового подъезда?
Кому он нужен, грязный и бродячий,
Глядящий в окон дремлющую бездну?

Быть может, здесь хозяин его где-то,
С которым жили за одним забором? –
Замком английским щёлкнув, до рассвета
Он к лаю пса отныне беззаботен.

Ах, если б был овчаркой или догом,
В ковёр уткнувшись, спал бы, свесив уши…
Дворняга пёс стоит, как перед Богом,
Огромным домом, чуждым и бездушным.

1995

* * *

Ночами красться вдоль дворов
На запахи еды
И молча прятать свой улов
В предчувствии беды.

К рассвету трепетать, как вор,
От нелюбви людской,
Ловить и камень и укор
И мчаться по прямой.

От тех, кто другом называл
Собаку с детских лет…
Спаси, высокая трава,
Её горячий след.

Она не верит хлебу вдруг
(Как замкнут этот круг),
Боится человечьих рук –
И жаждет этих рук!

Бродяга, никому она
Поныне не нужна…
Скажите, в чём её вина,
Ну в чём её вина?

1995

* * *

Разбудит снова пёс бродячий
Во мраке окон и дверей.
О чём, о ком он горько плачет
На полуночном пустыре?

Видать о том, что он не нужен,
О том, что страшно одному,
О том, что на помойке ужин
Давно осточертел ему…

Он веком выброшен в бездомье –
Куда ему до этажей!..
И этот плач его бездонный
Людей не трогает уже.

Неоспоримо и жестоко:
Но чем ему я помогу?
Во мраке и дверей и окон
Я перед ним в глухом долгу…

1998

Владимир Краковский – «весенняя осень»?

У каждого из нас он остался особенным в памяти. Имя Владимира Краковского в любом случае не оставило никого равнодушным в поэтическом кругу Тараза. Небольшого роста, с цепким, словно выхватывающим что-то для себя взглядом, порой резковатыми движениями. Красив? Нет. А почитаешь стихи – забываешь про внешность. И перед тобой целиком, весь, как есть, его лирический герой – молодость, сила, красота и весна, распахнутость души со всех страниц и строчек. Вот эта его некая детскость, живость восприятия, влюбленность в мир, даже пусть порой враждебный и опасный для него, она подкупала, перекрывала все первое впечатление и от внешности, и от манеры говорить, как-то тихо, сдержанно, словно осторожно. Позже, когда Владимир уже ушел из жизни, его сестра Татьяна Белоголовых-Краковская показала мне его детские и юные фотографии. Он будто взял и перенес свое детство и свою молодость в стихи. Никогда не будет для меня теперь в памяти старым.

И раз уж мы заговорили о детстве, то был когда-то у меня такой незрелый, написанный в детстве еще стих – «Весенняя осень»: «О, как изменчив и как несносен твой яркий блеск, весенняя осень!». Весь он был таким, противоречивым, как погода в Таразе. Да, с одной стороны, певец весны и обновления, а с другой стороны – такая зрелость, выстраданность строфы, рифмы, всей жизненной философии. Это так же верно, как может сочетаться в одном человеке, а уж тем более в поэте, его светлый лирик и темный практик. Это как «роза белая и черная жаба», повенчанные Есениным.

Нам, более молодому поколению стихотворцев, помню (да и сейчас тоже), все время пеняли: вот, посмотрите, у того же поколения ровесников Краковского жизнь более тяжелая, судьбы – не из легких, а стихи, тем не менее, в большей степени позитивные, такие, что вселяют надежду, веру, любовь в человечество и все лучшее, что есть в людских душах. Я не спорю, времена, как известно, не выбирают. И помнится, когда-то Роберт Рождественский написал с горечью и вызовом «Да, мальчики!». А мы, наверно, могли бы, если б захотели, перефразировать: «да, циники» или там «да, пессимисты». Но, несомненно: Владимир Краковский был, есть и остается одним из самых ярких и великолепно владеющих поэтическим слогом таразских мастеров. Он назвал свой единственный прижизненный сборник «Тобою выжил и стихами». А кто была эта

таинственная «ты», может, никто так и не понял до сих пор. Девушка-весна, в которую давно и безнадежно влюблен старик-осень?.. Не знаю.

Мне он запомнился еще вот каким в последние годы своей жизни. Если он встречал меня где-то случайно на улице, или же приходил к нам в редакцию, то всегда оставлял мне листки со своими стихотворениями. Торопливо, словно извиняясь, давал и просил приберечь, сохранить, боялся, что улетят из памяти заветные строчки… А неустроенность его личной жизни, быта, в которой он сам во многом был виноват и целиком признавал и понимал это, не позволяла набрать эти стихи на компьютере. И это доверие до того обезоруживало почему-то! Многие из его строк я тогда набирала. Некоторые его образы такие точные, верные, сочные, картинные что ли. Например, помню его стихотворенье про цветастый восточный базар, представший для меня со всеми звуками, запахами, даже чуть ли не вкусами: вот тут пиала душистого кумыса, а тут ароматные дыни... Только художник большой может так описать! И вот идет-бредет он у меня в памяти вечным бродягой по базару жизни…

Теперь свободным, вольным. И, конечно же, пахнет эта воля «яблоневым ветром в стороне его заветной». Хочу сказать, Владимир Краковский, что Вы навсегда где-то среди нас.

Лариса Губашева
Поэт, журналист, читатель

Черновиков святая правда

Поэзия

Поэзия – это охота,
Где радостно ранен поэт
Работой, работой, работой, –
Он Пушкин, он Байрон, он Фет!

Поэзия – это наощупь,
С собою самим – наугад,
Нести в себе денно и нощно
Стихов дерзновенный заряд.

Найти своё вещее слово
В незримых глубинах души.
И снова, и снова, и снова
Вот эту работу вершить.

Собой оставаясь по праву,
Веков продолжая полёт.
Поэзия – это лишь прямо
И бесповоротно вперёд!

Друзьям-поэтам

Друзья мои, наш ясен путь,
И нас ничуть не убывает.
Кто там сказал, что умирает
Поэзия? Какая муть…

Она в грядущее спешит
Строка к строке, от века к веку,
Даруя радость человеку
И сущей правды колорит.

Поэзия – не реквизит,
Она в пожизненной дороге...
«Белеет парус одинокий»,
Звезда с звездою говорит!

Она, как чайка на ветру,
Сердца и взгляды зажигает!
Кто там сказал, что вымирает?
К перу, друзья мои, к перу!

Черновиков святая правда

Душа взрывается, восстав,
Когда в глаза одно и то же:
Не так живешь, живешь не так –
И отворачивают рожи.

Себя пропалывая сам,
Строкой взлохмаченной и гордой,
Отвечу гнусным голосам,
Черновиков листая годы.

Любил и женщин и вино,
И высоко взлетал, и падал,
Она со мною заодно,
Черновиков святая правда.

Она из кровных моих чувств,
Ее я преданный бродяга.
С землею заодно кручусь,
С неимоверной к жизни тягой.

И пусть с уютом не в ладах,
Зато душою я наружу,
Какой уж есть. В чистовиках
Я этой сути не нарушу.

Вдохновение

Черновиками обложусь,
Чаек желанный попивая,
Бумаге бережно вверяя
Свою заполночную грусть.

О наболевшем, о своем,
Спешит строка, взрывая память.
О, вдохновение, ты пламя,
Неотразимое мое!

Тобой, до точки изойду
И все-таки поставлю точку,
Стихотворение закончу
И, сам себе, его прочту.

Некоторым цензорам посвящается…

Пою о том, о чём поётся,
И не глаголю невпопад.
Стихи ж – в корзину, как ведётся,
По вашим меркам, господа!

Нет комсомола в моих строчках
И духа ленинских идей
(Я не отчаиваюсь очень
От нехороших новостей).

И флаг не выброшу я белый,
И красного не подниму,
И не пойду я в ногу смело
В свободы призрачную тьму.

На этом не поставлю точку,
Стихи на мусор не отдам!
За сим признателен вам очень,
Пора б и честь знать, господа.

1985

Элегия

Дождь за окнами с утра,
Беспросветная погода,
И в мозгах моих болото,
И на сердце мишура.

И по горло дел в судьбе,
Сам с собой в горячем споре,
Не остаться б в разговоре,
Постараться бы успеть:

Синь заветную хлебнуть,
Над собою приподняться,
Словом праведным остаться
Средь людей, когда-нибудь…

1980

Недругам

Как прозревший вдруг, я шарахаюсь,
Надоело петь под шарманку мне.
Вы правы, правы, мои недруги:
Без дурной молвы меня б не было.

На рожон, на ваш , не полезу я,
Я сегодня пьян, а вы трезвые,
Я дурак, как есть, а вы умные,
На колени пасть – не подумаю!

Морды волчии, души заячьи,
Всё вы можете, всё вы знаете.
Мне б сбежать от вас, мне б упасть в траву,
Лоб об лоб с землёй остудить молву.

Но болят мозги, но стучит в висках –
Нет, не всю ещё, душу выплескал…

1985

* * *

Ах, эти коварные слухи –
Всё светлое враз очернят,
Они, как осенние мухи,
Назойливо жалят меня.

Они подглядели, наверно,
Что в жизни моей неуют…
По самым расшатанным нервам
Со снайперской точностью бьют.

В каких они душах гнездились,
Сорвались с каких языков?
За что мне вот эта немилость
От мною незримых врагов!..

2001

* * *

Лучше времени нету судьи,
Хоть в весну ты бросайся, хоть в осень.
Никуда не уйти от судьбы –
Ни сегодня, ни завтра, ни после.

Никуда не уйти от земли,
От погоды её переменной,
Не слагается жизнь однодневно,
Не рождаются вмиг корабли.

А волна так и смыть норовит,
А волна всё коварней и круче,
И под каждою чёрною тучей
Боль о жизни вскипает в крови.

Боль о жизни, разящим копьём
Бьёт под сердце. И якорь не бросить.
Никуда не уйти от неё,
Ни сегодня, ни завтра, ни после.

* * *

Здравствуй, жизни радость,
Здравствуй беззаветно!
Что ещё мне надо
Если я живу,
Ослепленный солнцем,
Опьяненный ветром,
Пью взахлёб живую
Эту синеву!

Выветрю из сердца
Горькое и злое,
Из житейской хмури
Душу оторвав,
И зарёй сражённый
(Лишь глаза закрою),
Упаду в объятья
Необъятных трав!

Ах, земля как пахнет
Глубиной столетий!
Жаркими устами
Тихо ей шепчу:
– Я твой странник смертный.
Только вот о смерти
Я, с тобою, вечной,
Думать не хочу…

2005

* * *

Мираж коммуны отмиражил,
Как карточный распался дом.
В нем и отцы и деды наши,
И мы наполовину в нём.

С рожденья под его мы действом,
Неукоснительно, не вскользь –
От красногалстучного детства
До самых, до седых волос.

Непререкаемый и властный,
Куда завёл он нас, слепцов,
Прозренье позднее напрасно –
Его растаяло лицо…

Иная власть, иные люди,
Иные миражи грядут.
Но красного уже не будет.
И, если честно, жаль чуть-чуть…

2005

* * *

Свой кровный хлебушек жую,
Подачек – видеть не желаю.
Живу, как все, на выживанье,
И в людях быть не устаю,
Прямолинейных и простых,
И по судьбе неугомонных,
Не бьющих низкие поклоны,
А бьющих правдою под дых.

Они – маяк бессонный мой,
И потому, поднявши якорь,
Врываюсь я, без всяких-яких
В их повседневный непокой,
Где каждому своя стезя:
Ремень потуже – и усердствуй.
И я горю строкой и сердцем,
Науку выживать грызя.

1996

* * *

Кручусь, как белка в колесе,
Себя вчерашнего ругая,
И годы в сумрачном угаре
Не позволяют мне присесть.

И оглянуться не успел,
Как в свой черёд с горы спускаться;
Спешу, чтоб где-то не остаться,
Невосполнимо не у дел.

Гоню судьбы крутых коней,
Сквозь свет и мрак, сквозь вечный гомон,
Спешу, чтоб кто-то обо мне
Не вспоминал недобрым словом.

2005

* * *

Века двадцать первого земляне,
Хоть немного в будущее взглянем…
Кто с нас спросит, что мы натворили? –
Будет тихо, будет, как в могиле…

На земле, кормилице извечной,
Проживаем не по-человечьи:
Рвутся бомбы, целятся ракеты,
Приближая штормовые ветры.

Гибнут дети, аж рыдают звёзды,
Золотые рассыпая слёзы,
И моря отравлены, и воздух –
Будет поздно, будет слишком поздно…

Вымирают и сады, и пашни –
Будет страшно, будет очень страшно…
Где ж мы, где, в каком плывём тумане,
Века двадцать первого земляне?

Мечутся в зловещем смоге птицы –
Как устала матушка-землица…

2005

* * *

Предрассветные вздохи земли,
Глубочайшие, томные, сладкие…
И капели пронзительно шаткие,
И подснежники, и журавли!

Золотая земли круговерть,
Неизбежность тепла и цветения,
На замок холода и смятения –
Настежь душу, и окна, и дверь!

Настежь сердце! Взлетай, благодать,
Оживленьем зелёного шелеста,
Звонким дождичком, ласточкой, нерестом,
Чтоб звенели, как струны года!

Чтобы песня была о весне,
Чтоб дышалось любому прохожему
Несказанно – привольно, всполошенно,
Первозданно, как дышится мне.

1996

* * *

Не копил ни зла, ни денег,
Не болел мечтой туманной,
Что умел я, то и делал,
По-бродяжьи счастлив малым:
Волей, родиной и хлебом,
И людьми. Без коих кто я? –
Под вот этим звёздным небом
Ничегошеньки не стою.
Мне не сбиться бы с дороги,
Не уйти от правды сущей,
В остальном – несите, ноги,
Прочь от всякого бездушья.

2005

* * *

Я пил до дна, я был на дне,
Я в нём ещё наполовину…
Его безумная пучина
Меня штормит порой во сне.

Его хмельной водоворот
Меня обратно зазывает:
И пьёт, и пляшет, и поёт,
И истерически рыдает…

Сквозь слёзы – смех, сквозь зубы – кровь,
Опустошённых судеб хаос…
О, сколько их на дне осталось,
Сгоревших, спичечных голов?

Я чудом выполз, не сгорел,
Судьбе премного благодарен,
За то, что все-таки сумел
Себя сдержать в крутом угаре.

А дно, оно, чуть оступись,
Подаст стакан и душу вынет…
Прости-прощай бродяжья жизнь,
Я обойду тебя отныне!

P.S.

Какая б ни была – во мне
Моя бесхитростная правда,
Мне пить и пить её по праву
С самим собой наедине.

2002

Судьбе

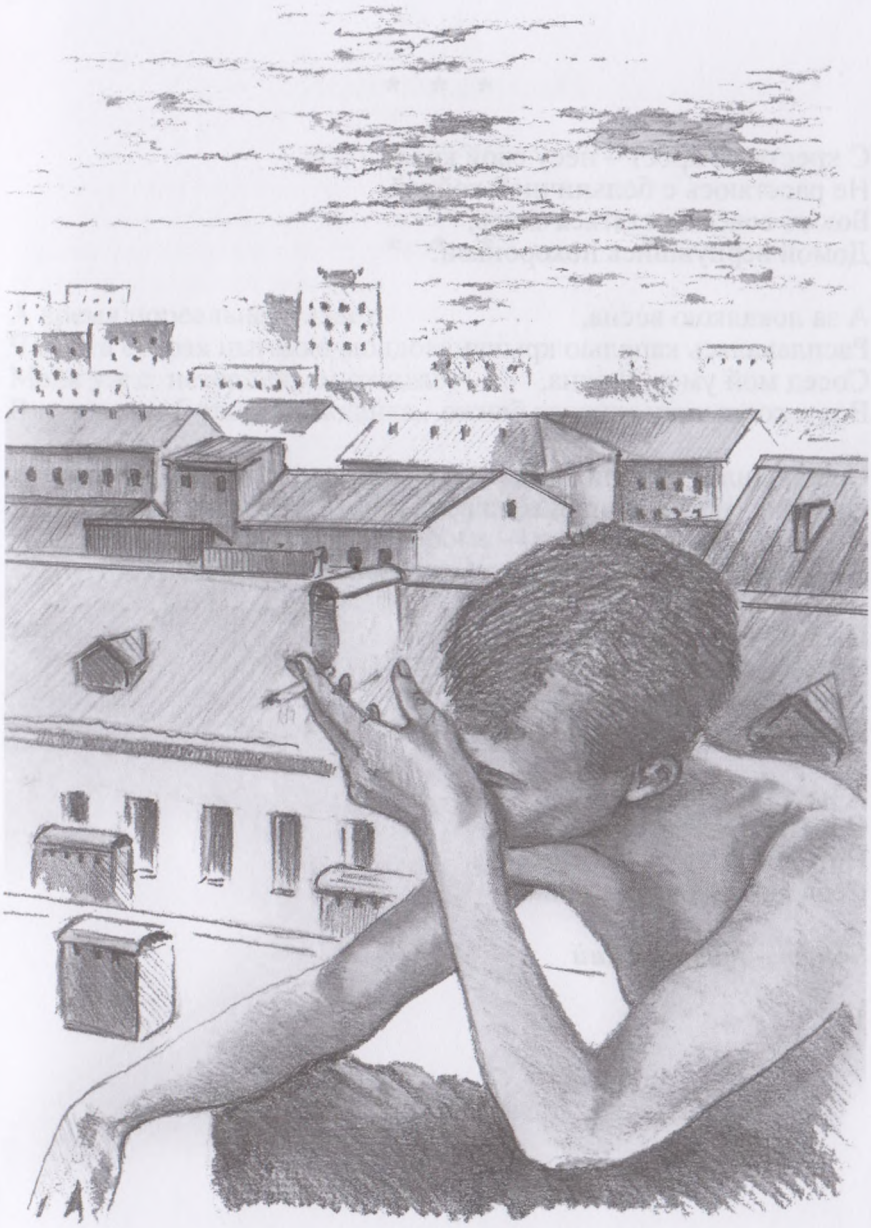
Ты и воля, и неволя,
Ты и свет, и сумрак мой,
Я одной тобою болен,
Я лечусь одной тобой.

Я люблю тебя такую –
И держитесь, потроха:
На своей арбе качу я,
На чахотку начихав!

Не ношу креста на шее,
Не стучу себя я в грудь.
Если что-то не умею –
Научусь когда-нибудь.

Под любой кочую тучей,
Полон самых смертных чувств.
И судьбы, быть может, лучше
Не ищу. И не хочу!

1998

* * *

С креста на крест – несу свой крест,
Не расстаюсь с больничной койкой,
Боюсь совсем остаться здесь,
Домой вернувшись похоронкой.

А за локалкою весна,
Расплакалась капелью крыша...
Сосед мой умер, у окна,
Все к солнышку тянулся ближе…

Освободился он с лихвой,
Он словно спит, прикрывши веки,
И на этап, на роковой,
Выносят бедолагу зэки…

По кругу «чиф» за упокой,
Суров и мрачен каждый первый.
А до звонка – подать рукой,
Натянуты, как струны, нервы.

А далеко-далёко, там,
Сирени буйное кипенье…
Нет! Ни за что я не отдам
Себя чахотке на съеденье.

«чиф» – крепкий чай

1995

* * *

А время пореальнее гадает,
Чем эта старая цыганка-молдованка.
Меня уж с нетерпеньем ожидает
Влекомая и бурная гражданка.

В туман ушли ненужные тревоги,
Любовь звездой рассветной – потускнела.
А впереди вновь ждут меня дороги –
К другим тревогам я шагаю смело!

1968

На осенней черте

Этот шелест листвы, этот посвист ветров,
Этой ночи знобящая скованность…
Много слышу знакомых я в ней голосов,
Уходящую слышу в ней молодость.

Где-то друг меня ждёт, где-то враг мой остыл.
Ни письма, ни звонка не обещано…
Где-то там, где-то там я ещё не забыл,
Я не смею забыть эту женщину.

Молодой, молодой, как я мчался стремглав
По весёлой вполне, разухабистой жизни,
И какою б она для меня ни была,
Остаюсь полноправным её пассажиром.

Жил сполна, пил до дна, кочевал от души,
Не заглядывал вдаль, не подглядывал в души.
На осенней черте, хоть картину пиши,
Сохраню всё, как есть, ничего не нарушив.

На осенней черте я пришел сам к себе,
У себя я в гостях и с собою глаголю.
И живу, как живу, и спасибо судьбе
За какую ни есть мою кровную долю.

2003

* * *

Ещё скрипит моя телега,
Судьбой своею сам рулю,
Весны зелёные побеги
Я взглядом трепетно ловлю.

Природа, милая, спасибо
За тягу жить, и жить, и жить,
За пыл души неугасимый
И за любви святую нить.

За веру в жизнь и в человека,
За каждый поворот земной…
Скрипит, скрипит моя телега
Вдоль по дороге, по прямой.

Ещё скрипит моя телега,
И я её не тороплю,
Весны зелёные побеги,
Как молодость свою, ловлю…

* * *

Забыл любовь недорогую,
Презрел ненужное страданье.
Закрыв глаза, вдруг убегу я –
К прекрасной жизни на свиданье.

Я полюбил навеки жизнь,
Её покой и суетливость,
Её заоблачную высь,
Вершины гор, степей равнинность.

Что не сбылось – я не жалею,
Ведь молод я – всё впереди.
Спешу, а значит – и успею
К ней на свидание прийти.

Я встречусь с ней, таинственной и гордой,
Мне эта жизнь до гроба дорога,
Вот почему дышу её природой,
Вот почему я стал её слуга.

Так пусть любовь недорогая
Не ищет томных оправданий.
Закрыв глаза, я убегаю…
К прекрасной жизни на свиданье…

Сентябрь 1968

* * *

Рукопожатье работяг –
Шероховатое, сухое,
Рабочей честью налитое,
Широковатое в костях.

Как топором отрубит ложь,
До хруста истину поддержит,
Ножа за пазухой не держит,
В кармане не мусолит грош.

Протянутое нараспах,
Такое жадное к работе,
Оно близко мне, плоть от плоти,
Рукопожатье работяг.

1998

* * *

Я устал кочевать, годы сделали дело:
Не гудят поезда, города не зовут,
Никуда не спешу, невредимый и целый,
У людей на виду, у судьбы на плаву.

Отметалась душа среди всяческой фальши,
Пред собою самим искупая вину…
Отыскать бы себя, а тогда и не страшно
Обрести роковую судьбы тишину.

Где вы, где вы мои безоглядные годы?
Я пожизненно в вашем горячем плену…
Дух бродяжий остыл, но я вот он, я вот он –
И с дороги своей никуда не сверну!

Свято веруя в жизнь, незабвенно я счастлив,
Что на звёзды гляжу, что о прошлом грущу,
И слагаю стихи, принимая участье
В этом вареве жизни, которым дышу.

* * *

Несомненно, я богат
Солнцем, небом и землёю,
И стихами, что со мною,
Словно люди, говорят.

Отчим краем и роднёй,
Тополями, что под звёзды!
Знаю: рано или поздно,
Час наступит звёздный мой…

Я с землёй в одно сольюсь
И креста не надо ставить,
Я ещё не перестану
Быть в полёте чьих-то чувств.

Оттого душа поёт,
И богат я, несомненно,
Этой жизнью сокровенной,
Откровенной до краёв!

* * *

Нет, я ничуть не опечалюсь,
Всё будет так, как и должно,
Срок подойдёт, и я отчалю.
Туда, где тихо и темно.

Под чьи-то горестные взоры
И вздохи в траурном дыму,
Последний гвоздь, он будет впору
Судьбе и гробу моему.

Одно прошу: креста не надо,
Да и ограда ни к чему…
Живу безбожно, безоградно,
По-детски радуясь всему.

* * *

Шумят тополя и, качаясь,
Устало скрипит карагач,
А карги взмывают, как чайки –
И падают в лиственный плач.

Раскаркались, чёртовы души,
Ну как вас ещё называть?
Погоды глаза вы и уши,
Вам снега с небес подавай!

А ветер всё глуше и глуше,
А тьма – хоть глаза закрывай…
Спокойной вам ночи, каркуши,
Нам вместе теперь зимовать.

2003

* * *

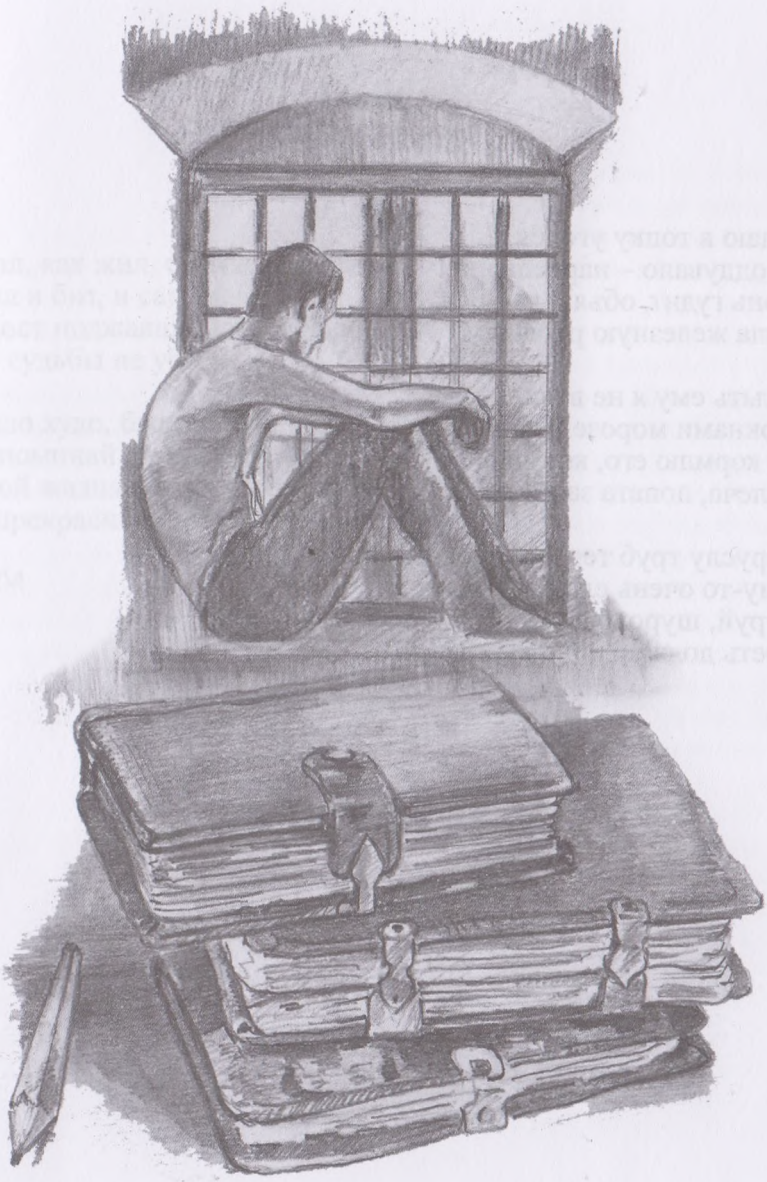
В предчувствии пасмурной ночи
Галдит вороньё, обалдев.
И сумрак крадётся по-волчьи
В угрюмые думы дерев.

Угрюмо вхожу в непогоду,
Унылую песню свищу,
Ищу улетевшие годы,
Не знаю, зачем их ищу?

Златые сорвав эполеты,
Шумят надо мной тополя…
Ну, вот и окончилось лето,
И ближе, и зримей земля.

Навзлёт окрыляется память,
Навылет гудит голова.
И слышится голос мне мамин:
– Не надо, сынок, унывать…

А листья кружат золотые
И ветром уносятся вдаль,
Как годы мои молодые,
Которые чуточку жаль…

* * *

Кидаю в топку уголёк
И поддувало – нараспашку!
Огонь гудит, объяв, как Бог,
Котла железную рубашку.

Остыть ему я не велю, –
За окнами морозец знатный,
И я кормлю его, кормлю,
С плеча, лопата за лопатой.

По руслу труб тепло гоню.
Кому-то очень сладко спится…
Шуруй, шуровочка, – огню
Гореть должно, а не дымиться.

* * *

Жил, как жил, смеялся, плакал,
Был и бит, и сам бивал.
Хвост поджавши, как собака,
От судьбы не убегал.

Было худо, было всяко.
Вспоминай и вновь дыши
Этой жизнью горько-сладкой
И прекрасной – от души!

2004

Галка

Голова с похмелья кругом,
И в кармане – ни гроша,
Мужичок на пьяный угол
Прорывается, спеша.

У руля хлопочет Галка –
Налетай, честной народ!
Здесь и скатерть-самобранка,
И свежайший анекдот.

Черный список для порядка
И табак любых мастей.
…Знают все, что ей не сладко,
С пятерыми на хвосте.

Прокормить детей ораву
В наше время ой-ё-ё,
Благо, спирт идет на славу
И копеечку дает.

Как ей трудно, не скрывает,
Проклинает эту жизнь,
Достает и наливает
Снизу вверх и сверху вниз.

1993

Ломка

Нас выгоняли из бараков
На плац холодный и пустой…
Гоняли нас «гусиным шагом»,
Гоняли так, что ой-ё-ёй!

И, обессилев, кто-то падал,
В санчасть кого-то унесли…
Пинком, дубинкой и прикладом,
Нам помогали, как могли.

Повыворачивали души,
Но не сломали нас, ей-ей!
Нам было муторно и душно
В жестокой ломке лагерей.

* * *

А на зоне, как на зоне,
Сплошь и рядом безодонье,
А чахотка так и косит:
Каждый день с «креста» выносят…
Говорить о чём, когда
И на воле – та ж беда.

«крест» – медсанчасть зоны

1995

* * *

И всё иное на замок!
Сегодня с музой я в запое,
И никому я не открою,
Пуская дым под потолок.

Черновиками обложусь,
Чаёк желанный попивая,
Бумаге бережно вверяя
Свою заполночную грусть.

О сокровенном, о своём
И обо всём, что ранит сердце,
И память-видеокассета
Меня уносит в забытьё.

Плыву ли, еду ли, лечу,
Лежу ли на холодных нарах –
Всё принимаю, как подарок
Судьбы, которую кручу.

Всего лишь малого хочу:
Чтобы вошёл с почтеньем кто-то
В мои стихи, мою работу,
Мой скромный палисадник чувств…

На волю

Сам себе я дверь открою,
Справка, вот она, в руке!
Ни локалок, ни конвоя,
Сам себе я – басеке.

Прощевай, тюрьма, не смею
До свидания сказать,
Пожинаю, что посеял.
– Жми, водитель, на вокзал!

Хруст держи, не надо сдачи.
Ухмыляется, нахал:
– На Канарах, не иначе,
Ты, наверно, отдыхал.

– На Канарах, нарах, нарах,
В гранд-отеле «жди меня»!
И хохочем мы напару,
Свойский юмор оброня…

Просторечье, простодушье,
И назад дороги нет…
Я тюрьмою отутюжен,
Здравствуй, волюшка, мой свет!

Перестарался

Он пил вино, не зная края,
Хайяма мудрость восхваляя,
Кричал: «Коль истина в вине,
Так значит истина – во мне!».

Он ночью пил и утром ранним,
Пил за углом и в ресторане…
Допился – тень одна осталась
И преждевременная старость.

Мораль: он пить перестарался,
Его уж нет – Хайям остался.

* * *

Все по пьянке мы не люди,
А подобие свиней,
Рассуждаем безрассудно,
Ищем истину в вине.

Ищем женщину такую ж,
Чтоб похрюкать вместе с ней,
Не о звёздах и о вкусах,
А кон-крет-но, да – быстрей.

И, отхрюкавшись, утонем
В её радости хмельной…
А наутро, если вспомним,
То объявим пьянству – бой!

* * *

Марихуаной изгоняю водку,
Сквозь впереди кромешное – ни зги,
Себя грызу полуголодным волком
И остужаю знойные мозги.

Изыди прочь, сбивающая гадость
Меня с пути, стаканами звеня!
Который раз я говорю: «Не падай!»
И поднимаюсь, память сохраня.

Пишу стихов взлохмаченные строки,
Влюбляюсь в женщин, ревностью горя,
Живу земли проникновенным током,
За всё, за всё судьбу благодаря.

Распутица

Выйду на улицу с поднятым воротом:
Как на базаре, над слякотной роздымью
Кружатся, кружатся чёрные вороны,
Крыльями машут, как чёрными розгами.

Чёрные вороны, чёрные вороны,
Что продаёте вы, что покупаете?
Душу уставшую тащите волоком,
Карканьем чёрным мозги сотрясаете…

Нет, не про вас мои думы печальные –
Тихо на родине, жутко, как в омуте:
Хмурые лица и взгляды молчальные –
Вдребезги миф о серпе и о молоте.

Время тяжёлое, мутное, смутное –
Не обойду я просящего нищего.
Хлебом единым, едиными путами
Связаны все – от него до Всевышнего!

Перезимуем, за лучшее ратуя,
С думой о самом насущном, воистину.
Черные вороны, кыш, распроклятые,
Что бы там ни было – выдюжим, выстоим!

1993

О третьих…

С другом – делишься, с недругом – бьёшься…
Быть должны и друзья, и враги.
А вот третьи, что между – собьёшься
Их считать, как чужие долги.

За глаза они рады излиться,
Что мол я вот такой, и сякой,
А в глаза, словно божии птицы,
Все сочувствуют, наперебой.

Что сказать им, и что им ответить,
Я не ведаю. В этом и суть:
Безобидные, вроде бы – третьи –
А какие обиды несут…

1982

На смерть Тугеля Ахметова

Там жизни нет, там мир иной -
Ты знал об этом, знал об этом!
Рождённый умереть поэтом,
Ты жив нетленною строкой.

Всегда мятущийся в борьбе
С самим собою и с судьбою,
Ещё не раз приду к тебе,
Ещё не раз побеспокою.

Вот и снова стою на откосе…

Вот и снова стою на откосе
Под сияньем вечерней звезды.
Птиц высокое многоголосье
Полонезом плывет с высоты.

Им на юг, им на родину надо –
Я и сам без неё никуда…
Будут листья увядшие падать,
Будут громко гудеть поезда.

Разрываясь на части, бунтуя,
Мои дни не погрязнут во лжи,
Будет всё, без чего не смогу я,
На родимой землице прожить.

Горизонта чернеющий сгусток
Обещает мне ночь впереди.
Отчего ж так становится грустно,
Когда плачет журавль в груди…

* * *

Словно только из дома: в тапочках
И платках, чтобы скрыть лицо,
Две бродяжки с сумою тряпочной,
Да вдобавок ещё с мальцом.

Мальчик мячик пинает порванный
И на мусорку – напрямик.
Две бродяжки, с поднятым воротом,
Поспевают за ним, впритык.

– Ну куда же ты, слышишь, русенький!
Так и хочется крикнуть: «Стой!»
Руки мальчика рыщут в мусорке,
Прошибая меня слезой.

Перечитывая сборник...

Фамилия Краковский привлекла меня еще задолго до того, как я познакомилась с ним в литературном объединении. В 70 – 80 годы в газете «Знамя труда» выходила рубрика «Поэзия», где он печатался наряду с другими местными поэтами. В то время в газете печаталась и моя сестра Лукстина Валентина, и я, естественно, получая газету, сразу же просматривала эту рубрику. Стихи Владимира привлекли сначала хорошим русским языком, потом постепенно открылись его чёткие, понятные, внятные мысли. Смысл стихотворения, его построение, рифмы, образы – все это говорило если не о профессиональном поэте, то, по крайней мере, о достаточно хорошей теоретической подготовке. И я полагаю, что в его становлении как поэта большую роль сыграло литобъединение Беллы Иордан, выведшее в свет многих местных, джамбулских литераторов.

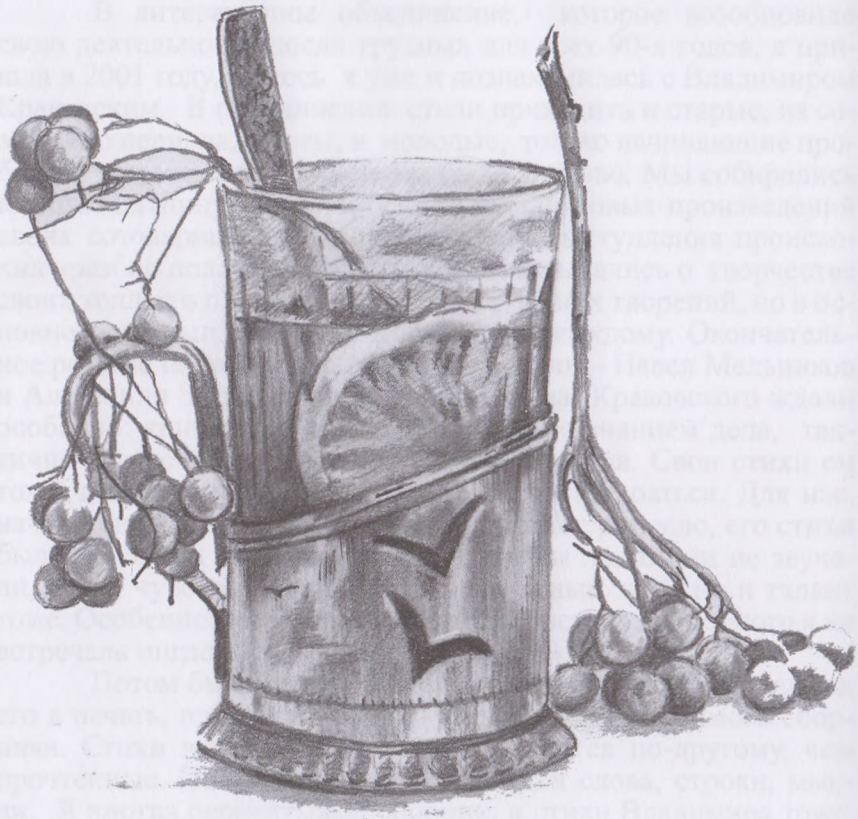
В литературное объединение, которое возобновило свою деятельность после трудных для всех 90-х годов, я пришла в 2001 году, и здесь я уже и познакомилась с Владимиром Краковским. В объединение стали приходить и старые, из советского периода, поэты, и молодые, только начинающие пробовать поэтическое перо, и это было здорово. Мы собирались каждую пятницу и с нетерпением ждали новых произведений своих сотоварищей. А после каждого выступления происходил «разбор полетов». То есть все высказывались о творчестве своих коллег, о плюсах и недостатках наших творений, но в основном это была критика. Доставалось каждому. Окончательное резюме подводили наши руководители – Павел Мельников и Александр Загрибельный. Но и анализа Краковского ждали особенно: критиковал Владимир умно, со знанием дела, тактично – в нем явно пропадал талант критика. Свои стихи он тоже читал, и к ним невозможно было придраться. Для нас, начинающих и продолжающих это трудное ремесло, его стихи были образцом стихосложения. И как бы легко они не звучали, в них чувствовался не только огромный труд, но и талант тоже. Особенно меня поразил «Венок сонетов». Подобного я не встречала нигде.

Потом была подготовка альманаха «Оазис-2002», выход его в печать, презентация и … чтение своего любимого сборника. Стихи напечатанные воспринимаются по-другому, чем прочтенные. По-другому осмысливаются слова, строки, мысли. Я иногда перечитываю сборник, и стихи Владимира тоже. Как он сам писал, они автобиографичные. В них его жизнь, его

судьба, его жизненный путь. Но, несмотря на удары судьбы и всевозможные перипетии, в его стихах нет пессимизма. Есть душа, есть жизнь, где-то правильная, где-то неправильная, но такая вот, какая есть, вернее, какая была. Иногда поэты уходят рано, вот и Володя тоже. Жаль, что не дописал, не досказал, не дождался своей книги, не дожил. И хорошо, что родные чтут его наследие и в память о нем издают творческий сборник его произведений.

Лариса Лукстина
Поэтесса

Коротко

* * *

Мой сборничек первый пробился,
На книжных прилавках возник -
Я будто на свет народился,
Я молод ещё, чёрт возьми!

2006

* * *

Разруха, разруха, седая старуха
Бредёт по домам, собирая краюхи.
Я ей не открою, такая вот лажа:
Сегодня я сам без копеечки даже…

1993

* * *

Нищета душой богата –
У богатства нет души.
Каждый первый в рабстве злата
Душу продал за гроши.

1998

* * *

Здесь люди в горе от ума,
Здесь сытых нет, как нет довольных.
Тюрьма – она и есть тюрьма,
Во всех пространствах – неволя…

1995

* * *

Любовь – не пройденный поэтом
Этап – бессрочный до могилы:
К отчизне, к женщине и к детям,
И ко всему, что сердцу мило.

2002

* * *

Как живем? – Без всяких кривотолков,
Нас рассудит время и потомки.

* * *

Бед на земле гораздо было б меньше,
Когда б мужчины понимали женщин.

* * *

Головой хоть в потолок –
Сила – дура. Разум – толк.

* * *

Чертовски мода хороша –
Сам черт от моды на ушах!

* * *

Как здоровье? – Каждому и каждой
Улыбаюсь: «Вскрытие покажет».

* * *

Таинство – святых святая женщин –
Обнажилось, и прикрыться нечем…

* * *

Талант никчемен без работы
Трудись, чтоб появились всходы.

* * *

Хоть в Библии и хоть в Коране:
Есть нация одна – земляне.

* * *

В грядущее – хоть на «ура» –
Не будет лучше, чем вчера…

* * *

Жизнь один раз дана,
Так и пей ее до дна!

* * *

Врагов не берегись,
Молвы друзей – страшись.

* * *

От лени лишь одно спасенье –
Работа до изнеможенья.

* * *

Как собака преданный,
Оболжет заведомо.

* * *

Ах, поэтессочка – Весна
Любая строчка – зелена!

* * *

Гонять порожняки –
Работа не с руки.

* * *

Из пальца истину не высосешь,
Ее лишь можно только выстрадать.

* * *

…Кресты и звезды, звезды и кресты –
Здесь все равны, без всякой суеты…

* * *

Всегда: сегодня и потом,
Во имя завтра мы живем.

* * *

Старость – долгих лет урок
И достойный жизни срок.

* * *

Кто-то любит блюз, а кто адажио –
Каждому свое. Свое – не каждому.

* * *

Если шаг из сути в суть -
Значит праведен твой путь.

* * *

На судьбу не сваливай, поодаль,
Коли сам не удержал поводья.

* * *

Алкоголику – с утра
Лишь бы выпить на «ура».

* * *

Воронье и зверь не ест –
Что-то смрадное в нем есть…

* * *

…Дождь апрельский, серебряный, звонкий –
Настежь сердце, и душу, и окна!

* * *

Постигнуть суть, а значит, обрести
Себя. И продолжать расти.

* * *

Забыли, что такое честь,
Хоть не у всех она, но есть.

* * *

Безвкусная стряпня –
Бездарная возня.

* * *

Сочувствую: они с приветом,
Кто верит всяческим приметам.

* * *

Неправомерна суть,
Когда приврут, хоть чуть…

* * *

Не слушай докторов,
Когда вполне здоров.

Мои воспоминания, далекие и прекрасные…

Когда Володя попал в больницу, я часто навещала его, приносила продукты и его любимые сигареты. Мы долго сидели, общались, работали над моими стихами, он периодически показывал свои, которые написал на больничной койке. Когда он цитировал, его уставшие глаза наполнялись каким-то божественным светом или, наоборот, в них было столько боли…

Разбор стихов делали вместе. Володя научил меня слушать и слышать! Порой, в порыве нахлынувших эмоций, он поднимал руку, как бы останавливая себя и успокаивая. Постоянно я благодарила его за поддержку, а как он был благодарен, словно извинялся! В нем магическим образом чувствовались внутренняя борьба, его скрытая интеллигентность, завораживающее мужское обаяние, открытость, а главное, благородство души и сила духа! Он был поэтом от Бога!!! Такое было ощущение, что он прошел не выразимую словами, немыслимую школу жизни, он всегда был в авангарде, а главное место в его поэзии занимала любовная лирика, как самое важное выстраданное свойство его тонкой души!

Что еще сказать о Володе? Била его судьба. Но он никогда не отступал и жил вопреки всему! Я благодарна Богу, случаю, что он появился в моей жизни! В нашей жизни нам не хватает таких людей, всегда заряженных на оптимизм, стойких, несгибаемых, настоящих поэтов, каких рождала сложная, но интересная советская эпоха!

Анна Вольнянская
Поэтесса

На осенней черте

1

Летит листва моих календарей,
Когда и где она берет начало?
Еще вчера, хотелось поскорей,
Еще вчера, был сладок дым вокзала.
Еще вчера гудели поезда,
Еще вчера беспечно дни летели,
Еще вчера - и раз и навсегда,
Рвалась душа - куда глаза глядели.
Когда и где? (хоть память надорви)
Прошли года, сменяя даль за далью...
Меня назад отныне не зови,
Безумство лет, ухабисто скандальных,
Вскипает грусть в бунтующей крови,
В осеннем храме, как в исповедальне.

2

В осеннем храме, как в исповедальне,
Как воздух чист, как синева слышней...
О чем их плач, перед дорогой дальней,
Гортанный плач высоких журавлей?
Собрались в клин пронзительный - и с богом!
Гляжу им вслед, ком в горле затая:
Не всем, не всем им выдержать дорогу,
Не всем вернуться в отчие края..
За ними вслед рвануть бы, да причален
Всем существом я к Родине своей,
Здесь мой очаг и здесь мое начало,
Мое распутье осенённых дней.
Не оттого ль так трепетно-венчально,
Зажглись, как свечи, плечи тополей.

3

Зажглись, как свечи, плечи тополей.
В лучах заката золотые свечи!
Крадется сумрак в тишину аллей,
Уходит день и наступает вечер.
Дрожит, как лист, вечерняя звезда,
Кружит листва, кружит над головою,
Чтоб превратиться в землю навсегда,
Чтоб стать в веках ее достойным слоем.
Тобой, сентябрь, кружится голова,
Твоих ночей грядет похолоданье.
Природа-мать, ты дьявольски права –
И жизнь, и смерть в тебе без опозданья.
И на звезду не стоит уповать,
Здесь каждый шорох полон увяданья.

4

Здесь каждый шорох полон увяданья,
Молчи и слушай. Не руби с плеча,
Храни в душе свои переживанья,
В осеннем храме лишь сердца кричат.
Кричат о том, что осень повторилась,
О том, что боль о жизни не унять,
О том, что надо, что бы не случилось,
Во имя жизни трепетно сгорать.
Люблю я осень за порыв мятежный,
Пожаром листьев душу зажигать,
Благодарю ее за неизбежность,
Неповторимость - чудо повторять!
Вот почему, входя в ее безбрежность,
Не больно мне, что листья отгорят.

5

Не больно мне, что листья отгорят,
Что журавли прощально отрыдают,
Как год назад, как сотни лет назад,
Листвой тропинки ветер засыпает.
Над тополями воронье галдит
И сад увядший тихо остывает,
И надо всем, в свой царственный зенит,
Луна лимонным чудом выплывает.
Не спится мне, бессонница, как вор,
Бессовестно овладевает мною,
Ведя со мной неумолимый спор,
О том, что сам себя я недостоин,–
Безмолвно жуток мне ее укор,
Куда больней перед самим собою.

6

Куда больней перед самим собою,
С себя спросить, потребовать с себя
И самому себе скандал устроить,
Канаты лет безжалостно рубя.
Нет, я ничуть о прошлом не жалею,
Какой ни есть, еще в дороге я,
Собой не быть не смею, не посмею
И за себя сумею постоять.
За всё, про всё, что не было и было
Сорву достойно лист календаря.
В промозглых тучах память не простыла,
Не захлебнулась ливнями заря,
Черта подбита. Время вновь спросило:
Что сделал я, дожив до сентября?

7

Что сделал я, дожив до сентября,
Что потерял, и что нашел и бросил,
Куда спешил я, время торопя,
И с чем вхожу в нахлынувшую осень?
Без озлобленья, робости и лжи,
Я вот он весь, и путь мой не туманен,
И позади шальные виражи,
И невпопад наивные мечтанья.
Я не остыл и не ищу покой,
Покинув мир бродяжьего запоя,
Жую свой хлеб и над своей строкой
Корплю, как вол над пахотной браздою.
Приемлю осень, дорожу судьбой,
А до снегов уже подать рукою.

8

А до снегов уже подать рукою,
Как сон вчерашний, молодость прошла,
О чем грущу наедине с собою!..
Былая жизнь, была и не была...
Черты осенней заплутавший странник,
В черновиках давно угасших лет
Ищу себя, чтоб начисто верстая,
Вплести в венок еще один сонет.
Как краток день, как скучен долгий вечер.
Пустых словес сумбурная игра...
О чем тоска? И крыть-то больше нечем,
Остыли мысли, жаркие вчера.
Бокал вина искрится, но не лечит,
Взгрустнувших дум взгрустнувшая пора.

9

Взгрустнувших дум взгрустнувшая пора.
Проглянет солнце - и опять за тучу,
Строка рванется вдруг из под пера
И вновь остынет, как досадный случай.
А за окном, прохладны и лихи,
С дерев срывая блеклую монету,
Поют ветра осенние стихи,
Над всем увядшим празднуя победу.
В тоскливый щебет сбились воробьи,
Комочки душ, зимующих извечно,
Все ближе к людям тянутся, к любви,
Той, самой той, издревле человечьей.
Так было, есть и будет, се ля ви,
В раздумье день, в задумчивости вечер.

10

В раздумье день, в задумчивости вечер,
Никто в мою не постучится дверь.
Друзья мои, как вы теперь далече
И как близки вы в памяти теперь...
Я ваши голоса поныне слышу,
Сквозь бездну лет и горькое «увы»,
В каком краю и под какою крышей,
Друзья мои, остановились вы?
Копаюсь в стопке пожелтевших писем,
Ищу хоть адрес чей-то, на «ура»,
Друзья мои, не допускаю мысли,
Что вы остались в буйственном вчера,
Дожди, дожди, в рассветной дымке виснут
И снова день. И снова мне пора...

11

И снова день, и снова мне пора
Судьбе навстречу в полный рост подняться,
Всего себя в единое собрав,
Переживать, влюбляться, удивляться!
И не грустится боле у окна,
О чем грустить, когда в зените осень?
Ее, златую, не испить до дна,
И с плеч ее, отяжелев, не сбросить.
Пусть ворох листьев тягостно дымит,
Пусть цыган-ветер жадно листья мечет,
Прости-прощай, осенний колорит,
Я сам, я сам на все себе отвечу,
Вперед идти сама судьба велит,
Взвалив иные помыслы на плечи.

12

Взвалив иные помыслы на плечи,
Брожу по саду утренней порой.
Корзину яблок, розовато-вещих,
Несу, как кладезь, бережно домой.
Ах, этот запах! Без ножа он режет
И жить, и жить всполошенно велит,
Какая в нем и доброта, и свежесть,
О, если б мы такими быть могли!
Зажглись улыбки, грусть как ветром сдуло.
И детвора захрумкала с утра:
Среди прохлады как весной пахнула
Осенних яблок спелая гора.
Сквозь сонмы дум, сквозь чувственные гулы,
Сквозь горький дым осеннего костра.

13

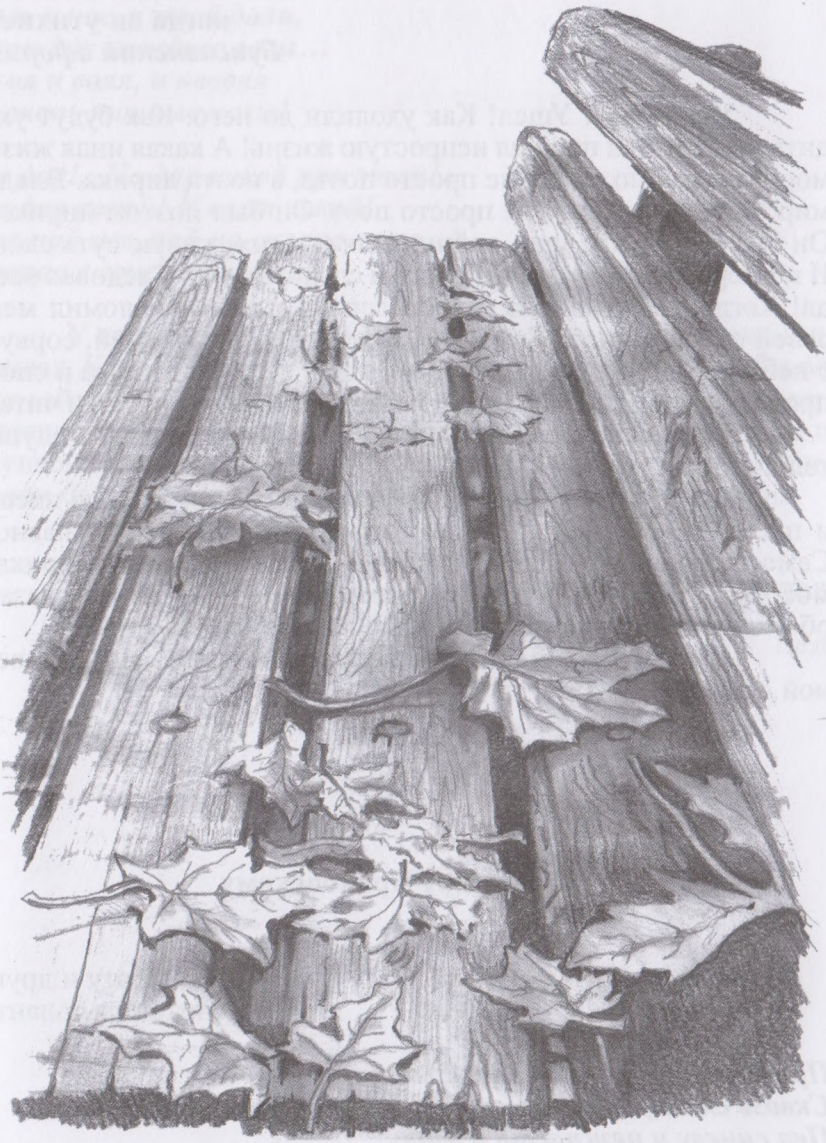
Сквозь горький дым осеннего костра,
Сквозь листопад, я день за днем листаю,
Несу свой крест, хоть не ношу креста,
Спешу себя хоть чуточку оставить.
И от души судьбу благодарю,
Что в облаках, как прежде, не витаю,
Безмерно рад златому сентябрю,
Венок сонетов трепетно сплетая.
С меня довольно, я отколесил.
Шальная жизнь - она уже далече,
Как никогда, я полон свежих сил,
Еще грядет мой самый добрый вечер,
Судьба моя, неси меня, неси,
Туда, туда, в распахнутую вечность!

14

Туда, туда, в распахнутую вечность,
Не отрекусь, пока жива душа,
Я провожаю осень в бесконечность,
В холодный шелест опуская шаг.
Земля моя, осенняя отчизна,
От тополей и до ночной звезды,
С тобой мне быть и в радость, и в кручину.
Тобою стать, чтобы цвели сады!
Кто там сказал, что осень за плечами?
Она во мне. И я до нерва в ней
Весь с головой! И днями и ночами.
Гоню судьбы натруженных коней.
Прозренья дух и сущность излучая,
Летит листва моих календарей.

15

Летит листва моих календарей.
В осеннем храме, как в исповедальне,
Зажглись, как свечи, плечи тополей,–
Здесь каждый шорох полон увяданья.
Не больно мне, что листья отгорят,
Куда больней перед самим собою:
Что сделал я, дожив до сентября?
А до снегов уже подать рукою.
Взгрустнувших дум взгрустнувшая пора,
В раздумье день, в задумчивости вечер...
И снова день, и снова мне пора,
Взвалив иные помыслы на плечи,
Сквозь горький дым осеннего костра –
Туда, туда, в распахнутую вечность.

«Но дар какой!»

Когда мы умрем, поднимется ветер.
Что останется от наших следов на песке,
когда он утихнет?
Бушменский афоризм

Умер поэт! Ушел! Как уходили до него. Как будут уходить и после. Он прожил непростую жизнь! А какая иная жизнь могла быть у поэта? И не просто поэта, а поэта лирика. Владимир Краковский был не просто поэт. Он был поэтом-лириком. Он был из тех, кто знал, тайную для многих, живую суть слова. И по мере сил своих почитал его и следовал ему. Следовал всегда! Когда я первый раз встретился с ним, он ошеломил меня своей «Любимой»: «Любимая, когда звездою поздней, сорвусь с небес, и догорю во ржи…». Мы пили водку, и я снова и снова просил его почитать. И он снова и снова, смеясь, читал и читал!

Вот так я нашел его - читатель! И его поэзию - слушатель!

Говорят поэты уходят до срока. Мол, мог бы еще писать и писать. Нет! Поэты уходят тогда, когда высказали главное. Самое сокровенное! У Владимира Краковского (поэта-лирика и моего друга), – это любовь к жизни. К миру. И он сумел сказать об этом так, как не сможет сказать никто больше в мире!

«Пахнет яблоневым ветром, в стороне моей заветной….».

Владимиру Краковскому

Поэту и другу
от почитателя таланта.

Привет Краковский! Это ты ли
Сквозь слезы, смех и суету
Пел синеву и нежность в мире,
И красоту! И красоту.

И вот уже на склоне лета,
Сгорая в грусти золотой,
Зачем пенять на жесткость века
И облик жизни непростой?

Ведь у нее, у этой доли,
Свои для каждого весы…
Своя и воля, и неволя
И очень точные часы!

Но дар!.. Но дар какой при этом!..
Но дар какой! И свет какой!..
Так пой же, пой на склоне лета
Сгорая в грусти золотой!

У каждого человека (поэт он, или не поэт), должен быть причал. Куда можно прийти, когда уже некуда идти. Куда бы он мог зайти – ночь-полночь, день, вечер, где обогреют, накормят, вылечат…. Хотя бы просто выслушают! Часто в этом доме и слушали новые стихи, новую поэзию. У Владимира таким причалом был дом Евгения и Татьяны Белоголовых-Краковских.

Счастья вам, дорогие! И вашим потомкам!

Ахмедхан Медаров

Поэт

Посвящения близким и друзьям

* * *

С днём рожденья, отец,
Дед и прадед по праву!
Ты для нас образец
Силы духа и правды.

Ты у нас Водолей
Замечательный самый, –
Не старей, не болей,
Чтоб шагалось – так прямо!

Чтоб горело в тебе,
Приглашая погреться,
Молодецкое сердце
При седой голове.

15. 02. 2006

Бабушка

В светлой её комнате
Стол такой ухоженный,
Пироги и сладости,
Гости и цветы…

Ладушки-оладушки,
Всё здесь, как положено,
Всё вниманье – бабушке.
И тосты, тосты!

А она румяная,
Торжества виновница,
Вдруг приподнимается
В праздничной красе.

И баян взрывается,
И танцует «Барыню»,
Бабушка, как барышня,
Приглашает всех!

Сестре Тане

Никогда ты меня не ругала
За шальные мои миражи,
И с грустинкой в глазах провожала,
И встречала всегда от души.

Ты меня поправляла, где надо,
И спасала, как мать, от беды.
Ну а я поднимался и падал,
И опять была рядышком ты.

И опять поднимала бродягу,
И опять не давала упасть,
И судьбы моей мутную брагу
Не отвергла, как мутную грязь.

Ну да хватит о прошлом, сегодня,
Свет Евгеньевна, твой юбилей,
Извини, если что недопонял,
Золотая моя, не болей.

Полон дом и гостей, и пельменей,
Ни на шаг твои внучка и внук.
С днём рожденья, сестра, с днём рожденья!
Как я счастлив, как счастлив я вдруг…

2001

Тане

Полон дом и гостей, и улыбок,
И тостов, и тортов, и детей.
Мама, бабушка…Как многолика,
Ты в гармонии этой во всей!

Улыбайся и радуйся вволю
Этой жизни и этой судьбе –
Нет на свете достойнейшей доли –
Обрести своё счастье суметь!

Не старей, не болей, не сдавайся,
Оставайся всегда молодой,
Какой знаю тебя – оставайся,
Моей самой любимой сестрой!

Татьяне – к юбилею

Прекрасная пора –
Пятидесятилетье.
С днём ангела, сестра!
На этом белом свете!

Я счастлив, что ты есть,
Добрейшая такая,
В делах вся позарез,
Как мама – суетная.

Желаю светлых дней
И радостных волнений!
И никаких врачей!
И много дней рождений!

Зятю Евгению Белоголовых

С судьбою ты – к плечу плечо,
Идешь без устали и лени,
Познав и беды и лишенья,
Белоголовишь горячо.

Отец семейства ты и дед,
Трудяга до самозабвенья.
Счастливых, полных тебе лет
И много-много дней рожденья!

С уважением –шуряк!

13.12.2002

Анжелке

Уроженка ноября,
Счастья уроженка!
С днём рождения тебя,
Милая Анжелка!

Всех земных тебе доброт!
Только знай: бывает
Счастлив в этой жизни тот,
Кто переживает.

Ну а если вдруг свинцом
Наплывут печали,
Не печаль своё лицо,
Не впадай в отчаянье.

Лучше губы закуси,
Поднимись упрямо,
И совета попроси
У родимой мамы.

Всё пройдёт, и жизнь опять
Будет нараспашку.
С днём рождения тебя,
Милая племяшка!

2000

Ивану

Где-то с богом есть родство –
Ты рожден на Рождество.
Выше голову и грудь,
Будь здоров и честен будь,
Терпеливости учись,
Только к маме – торопись!

С днем рождения внучок,
Мой внучатый племяшок!
От души всего тебе,
Что желаешь сам себе.
Ну, а главное, Иван,
Никогда не унывай!

26.12.2002

Анжеле-племяннице

Ноябрь заступил в свои права,
Летит листва, природа увядает.
Твоя улыбка розой расцветает:
Встречай гостей, Анжелочка, пора!

Тридцатилетье – чудная пора –
С днём Ангела, Анжела, с днём рожденья!
Здоровья, счастья, солнышка с утра
И тёмной ночью сладких сновидений!

Какой была, такой и будь всегда,
Дай Бог твоим исполниться желаньям.
Гори, гори, твоей судьбы звезда,
Добра, тепла и лет неувяданья!

Миланке

Заглянула в окно луна,
Озарила тебя хрусталью.
Преспокойного тебе сна,
Моя доченька, баю, баю.
Баю-баюшки. Ни одна
Пусть беда тебя не коснётся.
Для меня ты всегда – весна,
Спи, Миланочка, моё солнце!

Раскрасавица ты моя,
Скоро, скоро ты скажешь: «Ма-ма».
И растаю от счастья я,
И прильну к тебе, самой-самой
Моей радости дорогой,
Моей доченьке ненаглядной…
Баю-баюшки, я с тобой,
Моё солнышко, мама рядом!

К 8 марта

Таня, Света, Анжелика
И Миланочка-краса,
Мои близкие из близких,
Мой душевный адресат.

С днём весенним и чудесным,
Самым, самым Женским днём,
Поздравляю вас от сердца,
Вы всегда живёте в нём.

Вам крепчайшего здоровья,
И удачи, и любви!
Ну а я – всегда с любовью
К вам, родимые мои!

Брат и дядя Володя

2006

Уходит год…

Уходит год, незримо, неторопко,
Под белым флагом матушки-зимы.
Уходит в Лету царственной походкой,
Его с почтеньем провожаем мы.

Уходит год… С волнующею грустью
Мы поднимаем за него бокал.
Уходит год, в пожизненное устье
И в наших душах крепнут берега.

Уходит год, он не такой уж старый,
Он прожит нами, наш, какой ни есть!
Как подобает, по-людски привстанем
И по-людски хвала ему и честь!

Он хотел быть понятым

Все, кто знаком с творчеством Владимира Краковского, утверждают, что его поэзия необычайно самобытна, что стихи его трогательны и красивы, слог неповторим и точен. Подчеркивая несомненный талант В. Краковского, его поклонники отмечают главное достоинство его поэзии: сопричастность всему живому.

Я не знаю, как становятся поэтами, но убежден: непременно должна быть почва, на которой взрастает талант и «толчок», получив который ты уже не можешь быть «ВНЕ поэзии». Поэтический талант В. Краковского родился на благодатной почве семейных ценностей, а свой «толчок» он получил от отца, большого ценителя поэзии.

Отец Володи – Евгений Самойлович Краковский – горячо любил литературу. Без книги он не мог прожить и дня, но особой его страстью была поэзия. Томики стихов любимых поэтов были всегда у него под рукой. Многое из того, что особенно трогало, он читал по памяти. Проникновенный голос и великолепная дикция Евгения Самойловича покоряли любого – даже того, кто был абсолютно равнодушен к поэзии. Обладая тонким литературным вкусом, умением чувствовать поэтическое слово и талантом улавливать самое сокровенное в замысле автора, он с легкостью обращал аудиторию «в свою веру». Каждый слушавший становился «адептом поэзии»…

Евгений Самойлович говорил, что настоящая поэзия не может быть лживой, а то, что исходит из «поэтинного серца», всегда прекрасно. Наверное, это усвоил и его сын …

Владимир рано начал писать и всегда очень тщательно оттачивал каждую строку – «рифмовал сердцем». Поэтому, когда читаешь его стихи, складывается ощущение, что сам он «сердцем всего» считал поэзию. Всё самое сокровенное, что волновало его собственное сердце, и что не всякий угадывал за внешней открытостью и напускной бравадой, Владимир-поэт доверял своим стихам.

Володя часто возвращался к своим старым стихам, что-то переделывал в них, иногда заменяя всего несколько слов, иногда значительно меняя текст первоначального варианта. Я не понимал, почему он возвращается к старому, а не создает что-то новое. Теперь-то мне ясно: Владимир-поэт оттачивал форму своих стихов, чтобы сконцентрировать самые глубинные мысли и чувства Владимира-человека. Хотел, чтобы его жизненное и духовное кредо не размылись в потоке лишних

слов и несовершенной рифмы. Он хотел быть понятым!... через свою поэзию. Сейчас я точно знаю: это ему удалось! И пусть у него не так много стихов, но они искренние, тонкие, глубокие – в них титанический труд мыслей и чувств!

Замечательный таразский поэт Петр Дмитриевич Вотинцев – соратник Владимира по перу, его старший друг – в посвящении Володе после его смерти подтвердил мои мысли:

Володя – друг, хочу быть откровенным.
В моих словах притворству места нет.
Ты был всегда и искренним, и верным,
Как гражданин, товарищ и поэт.

Володя – друг, тебя не понимали,
И если б ты живым смог снова стать,
Друзья б твои понятливей не стали
И ты б не стал опять их понимать.

Как трудно быть и честным, и открытым,
И продвигать творения свои.
Но ты не дал себя жестоким бытом
Убить во имя правды и любви.

Да, наша жизнь – времен тяжелых драма
И как ее согражданам любить,
Когда не можем искренне и прямо
В глаза друг другу правду говорить?

Володя – друг, ты с завистью убогой,
И с ложью ты мириться не хотел,
Вот почему иду твоей дорогой
И песнь пою, что спеть ты не успел.

В поэзию Владимира надо «проникать» шаг за шагом. Глубина чувств и острота переживаний автора открываются читателю постепенно. Уже почти семь лет, как нет Володи, а я, перечитывая его стихи, всякий раз открываю для себя что-то новое, словно автор ведёт меня по лабиринтам своей души и за каждым новым прочтением – открытие.

Я всегда был не просто поклонником творчества Владимира Краковского, но и человеком, которому он очень часто доверял «право первого читателя». Пока Володя был жив, я никогда не отождествлял его – автора - с лирическим героем

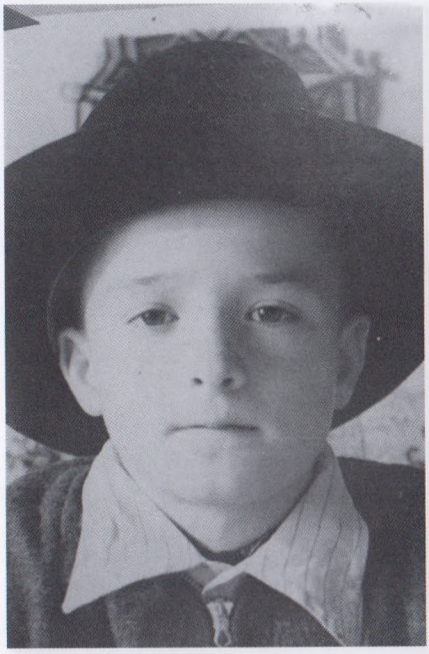
его стихов, объяснял свой интерес к его поэзии поэтическим даром и творческой индивидуальностью автора. Иными словами, я не чувствовал, что в стихах Владимира «говорит» ЕГО душа, что в основе его поэзии то, что он сам пережил, перестрадал, передумал.

Этому, пожалуй, мешал образ, который Володя выбрал себе по жизни – образ веселого, не озабоченного ни материальными, ни душевными невзгодами бесшабашного балагура и весельчака. Обычно такие маски выбирают люди с нежным и трепетным сердцем, люди, которые не способны подстраиваться под стереотипы… Маска «дурачка» не только спасает их от равнодушия внешнего мира, но и позволяет их мыслям и чувствам оставаться свободными. Теперь, досконально изучив дневники Владимира Краковского, прочитав скрытые от посторонних глаз откровения поэта, я точно знаю: Володя был именно таким. А его лирический герой – это он сам. Поэт Владимир Краковский в своих стихах проповедовал то, во что САМ свято верил – Доброту, Любовь и Правду. Верил и утверждал. Как умел…

P.S. Писать о Володе мне было легко и трудно одновременно. Легко, потому что у него были качества, которые мне всегда импонировали: он был честен перед собой, предан в дружбе и постоянен в любви, он не оттирал локтями слабых, жалел всех, кроме себя…

Трудно, потому что приходится признавать: все мы – близкие, друзья и поклонники – часто пытались одеть его в те же одежды, какие носим сами; втиснуть в рамки, в которых умирает дух творчества… Нас оправдывает одно: мы все его очень любили. И любим…

Евгений Белоголовых

Володе 7 лет

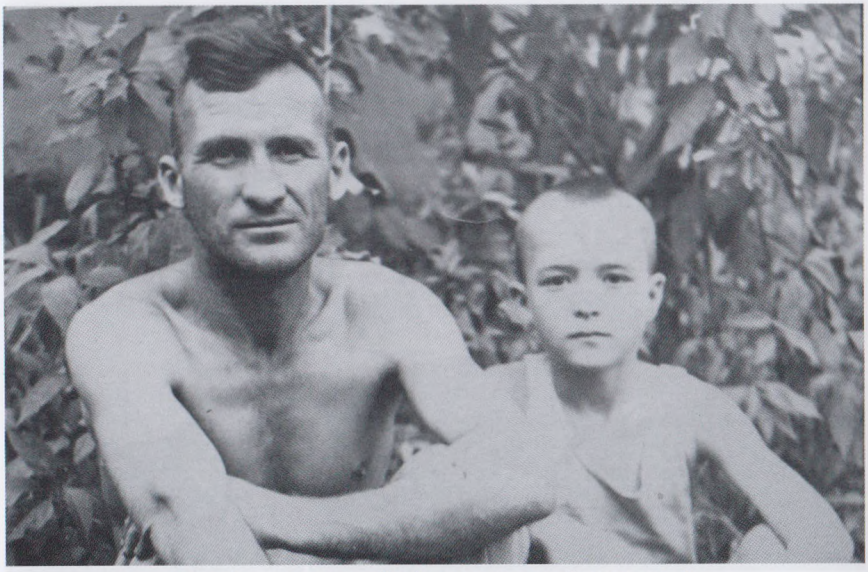
Володя (11лет) с сестрой Татьяной (7 лет)

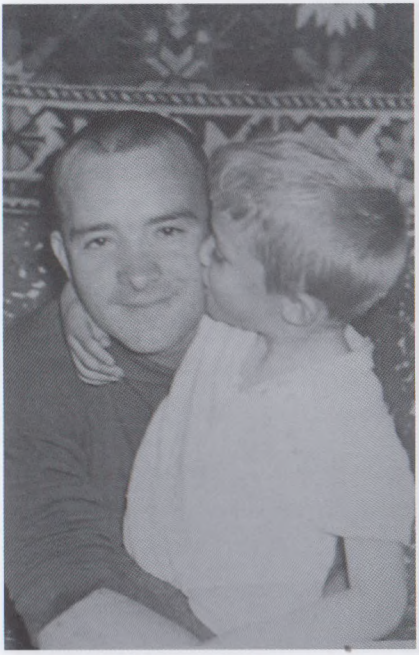
Володе 18 лет. С родителями и любимой

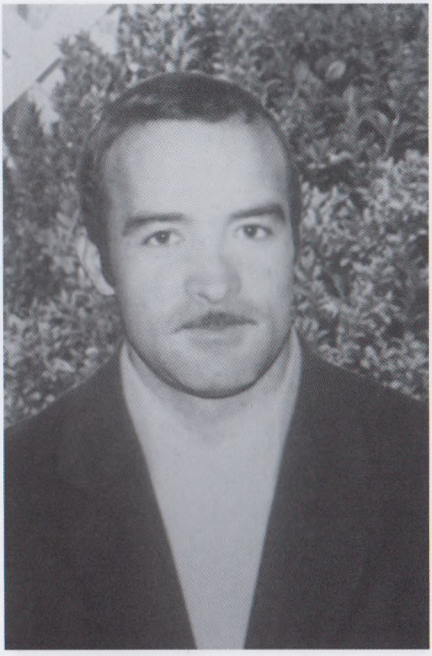
Володе 11 лет. С мамой и сестрой возле любимой речке.

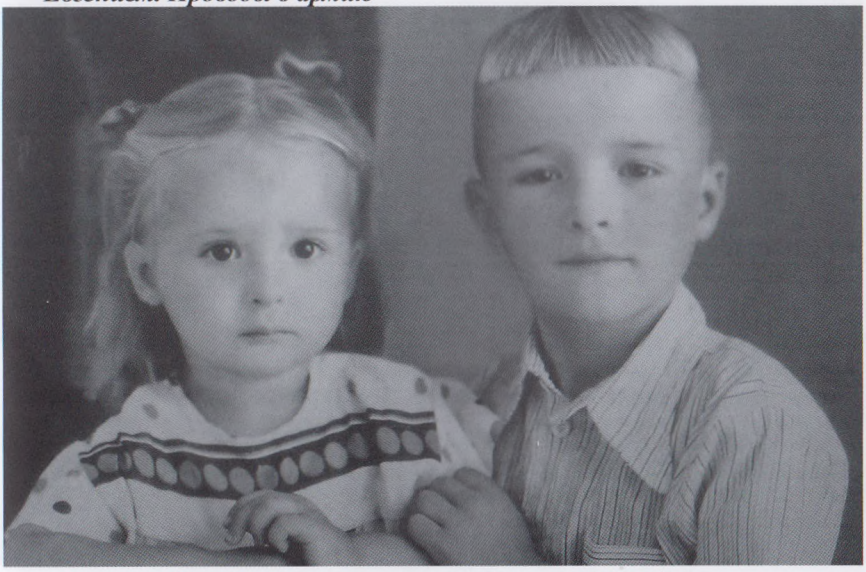
Володя с отцом. Отдых после работы в саду

Володе (19 лет) с братишкой Евгением. Проводы в армию

Володе 30 лет

Володя (8 лет) с сестрой Татьяной (4 года)

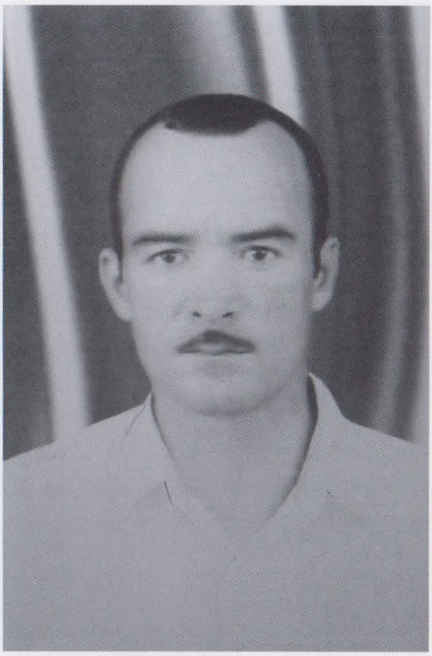
Володе на срочной службе в подмосковье. Редкое увольнение

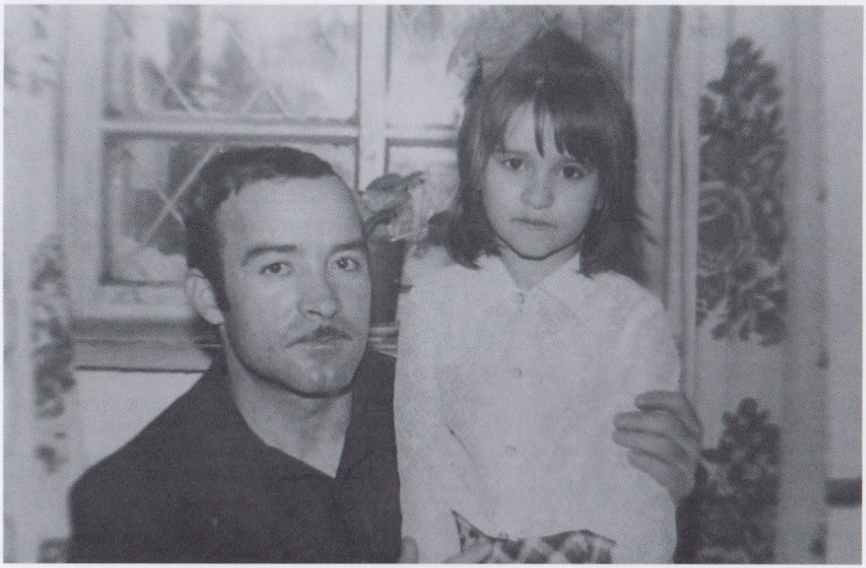
Володино 18-летие в кругу друзей

Володе 23 года. г. Можайск

Володе 26 лет

Володя (30 лет) с племянницей Анжеликой (7 лет)

Володе 22 года. Дембель

Володе 4 года

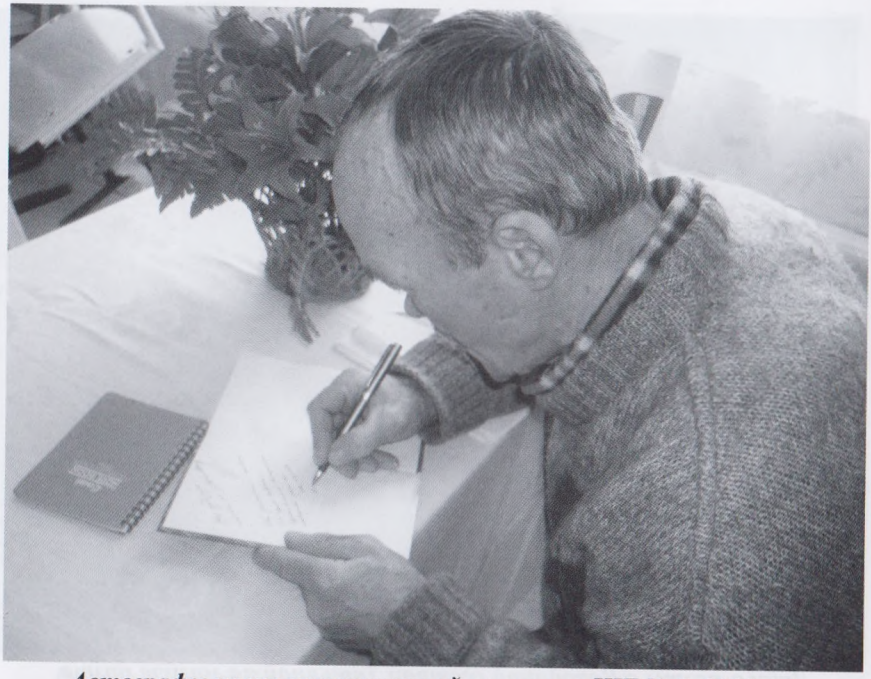
Четыре Евгения: отец, зять, брат и племянник Володи

Друзья-поэты с Володиной сестрой Татьяной на могиле поэта

День памяти Владимира Краковского в сш № 35. Поэты и участники литературной гостиной. Тараз, 2014 год.

Автографы после литературной встречи в ШГ № 7. 2008 год

Литературное объединение «Оазис». Тараз, 2002 год

Рожденный быть поэтом

«Всего лишь малого хочу:
Чтобы вошел с почтеньем кто-то
В мои стихи, в мою работу,
Мой скромный палисадник чувств…»

Имя поэта Владимира Краковского достаточно хорошо известно любителям поэзии не только в нашем городе. Его стихи часто печатались на страницах республиканских газет и литературных альманахов.

А писать стихи Володя начал рано. В семье серьёзно относились к увлечению брата поэзией. Родители посылали стихи Володи-школьника в газеты «Дружные ребята», «Пионерская правда», в журналы «Пионер» и «Костер» - и там их охотно печатали. Это говорит о том, что уже в детских стихах брата угадывался его поэтический дар. Служа в армии в Подмосковье, Володя уже сам посылал стихи в армейские журналы. Позже он стал заниматься и переводами. Он перевёл на русский язык стихи казахского поэта Кенена Азербаева - они вошли в сборник «Песни синих гор и озер»…

Но так сложилось, что при жизни моего брата был издан лишь один маленький сборник его произведений - «Тобою выжил и стихами». Одна небольшая книжечка, но в каждом стихотворении - его человеческая судьба, полная драматизма и противоречий, а в каждой лирической строке - его сердце, полное любви ко всему живому на земле.

Стихи Владимира насыщены любовью – любовью к женщине, к родной земле, к братьям нашим меньшим… Душа его не могла не любить, не восхищаться, не пылать страстью – она дышала любовью, жила ею. Чувство любви Володя ставил на одну линию с внутренней свободой. Любовь помогала ему уйти от повседневной суеты в глубину своих чувств, она была для него источником гармонии и вдохновения. Любовь и поэзия - вот что было основой взаимоотношений моего брата с миром…

Мне – его сестре – всегда хотелось, чтобы стихи Володи стали известны более широкому кругу читателей. Поэтому, когда брата не стало, мы с мужем решили: приложим все силы, но полноценному собранию стихотворений поэта Владимира Краковского - быть! И началась кропотливая работа. Мы – иногда по строчке – собирали неизвестные стихи Володи, расшифровывали рукописи, дневниковые записи… Того, что нам удалось собрать по крупицам, вполне достаточно, чтобы у поклонников Володиного творчества появилась возможность прочитать то, что могло быть утраченным навсегда. А в том, что стихи моего брата по-прежнему остаются востребованными, я убеждалась не раз, когда в родной 35-й школе мы с мужем проводили открытые дни поэзии и литературные вечера, посвященные па-

мяти поэта Владимира Краковского. Я по глазам участников и гостей видела, как действует на них притягательная сила Володиного стиха; как могучая внутренняя энергия его ритмов меняет настроение публики; как волнуют, тревожат, радуют, печалят и воодушевляют его стихи слушателей. После каждой такой встречи с читателями мы с мужем все больше убеждались: задуманная нами книга не останется просто семейной реликвией – у нее уже сотни поклонников.

Возможно, кто-то спросит меня, как я оцениваю поэзию Владимира Краковского – не как сестра поэта, а как просто читатель, как учитель литературы…

Я бы отметила такую особенность таланта В. Краковского, как умение живописать словами. Это позволяло поэту почти фотографически передать собственное видение и любимой женщины, и милого его сердцу уголка, и бездомного животного… Он берет из родника родного языка неожиданно яркие и сочные краски, которые рассыпаются разноцветными брызгами в его стихах. Этими красками поэт не рисует статичную картинку - ими он передает реальные звуки, запахи; с их помощью он делится сокровенными мыслями и чувствами со своими читателями.

Владимир – как творец – всегда находил сжатые поэтические формы, которые в его стихах удивительным образом превращались в емкие символы, говорящие о беспредельном.

Поэзия почти всегда автобиографична. О чём бы ни хотел сказать поэт, ему не спрятать своей личной позиции и своего личного опыта. Владимир тоже не избежал этого: в творчестве он полностью раскрывает себя, обнажает свою душу - порой предельно. И это мужество поэта быть открытым в своих стихах, по-моему, дорогого стоит.

А ещё поэзия Владимира Краковского, по-моему, предоставляет читателю неисчерпаемый художественный материал для понимания своей личной истории. Ведь переживания и рассуждения автора нередко оказываются такими близкими и понятными. Его стихи обладают удивительной способностью ясно и ёмко выражать сложные мысли и чувства. Вместе с поэтом можно пройти через этапы разрешения кризиса своей жизни, осознавая свои чувства, анализируя жизненные обстоятельства и открывая для себя смысл казавшихся прежде непонятными событий. Поэзия Владимира Краковского всегда апеллирует к духовным потребностям человека, помогает понять себя и осмыслить жизнь, помогает в самовыражении, в единении с другими людьми и окружающим миром.

Отдельно хочется сказать о том, какое трепетное чувство любви испытывал Володя к нашей маме. Мама!.. За этим словом для него стоял целый мир, полная палитра чувств и переживаний. Наша мама всегда понимала нас и поддерживала. Володя же был не только её гордостью, но самой большой печалью из-за его неустроенности в личной жизни. Она принимала его таким, каким он был, со всеми его слабостями, была готова прийти ему на помощь в любой

ситуации. Потому так пронзительно звучат в стихах Володи горькое чувство вины перед мамой, его сыновнее покаяние:

…Вскипает болью жгучая слеза,
Неудержимо, по щеке – и наземь.
И с обелиска, мамины глаза,
Меня готовы вызволить из грязи…

Клянусь свой крест достойно донести,
Хватает, мама, без тебя – ни шагу!
За жизнь мою, похожую на шалость,
За всё, за всё, родимая, прости!..

Читать эти строчки о маме, ушедшей слишком рано, без слез я не могу и сегодня...

Володя – как многие поэты – умел предвидеть отдельные события в своей жизни. Наверное, поэтому он так торопился зарифмовать итог своей жизни – боялся уйти непонятым, не хотел уйти не прощённым:

Кручусь, как белка в колесе,
Себя вчерашнего ругая,
И годы в сумрачном угаре
Не позволяют мне присесть.

И оглянуться не успел,
Как в свой черёд с горы спускаться;
Спешу, чтоб где-то не остаться,
Невосполнимо не у дел.

Гоню судьбы крутых коней,
Сквозь свет и мрак, сквозь вечный гомон,
Спешу, чтоб кто-то обо мне
Не вспоминал недобрым словом.

У каждого человека много и горестей и радостей. Для Володи вся жизнь его была в одном: и горестью его, и радостью была поэзия.

В далекой Германии ждет выхода этого сборника наш младший брат Евгений, который с большой любовью вспоминает старшего брата, молится за его душу и твердо верит, что Володиным стихам уготована долгая жизнь!

Татьяна Белоголовых-Краковская

Содержание

«И вспомнишь его…» (А. Загрибельный).....5

Тобою выжил и стихами
(любовная лирика)

И о тебе и о судьбе.....10
Баллада о первой любви.....11
Кто ты, кто? Я тебя не постиг.....12
По осеннему по следу.....13
Обожгла надменной улыбкой.....14
Ты и бог мой и судья.....15
В твоих глазах я утонуть бы рад.....16
Я всю жизнь лепил тебя.....17
Тебе.....18
А женщина вспомнится….....19
Любимая, когда звездою поздней.....20
Не объясняй мне, дорогая.....21
Вьюга, вьюга, пуржит белым снегом.....22
Не про меня твои печали.....24
Мадонна.....25
Крыльями взмахнула рук.....26
– Забудь её! – твердил рассудок.....27
Сплошь и рядом хлюпь да хлябь.....28
Отлюбил я тебя, отрубил.....29
Земля покрыта жёлтою листвой.....30
Сад увядший всё дальше и дальше.....31
Вагонов необузданнейший лязг.....32
Нет, нет, с ума я не сойду.....33
Жалкий клоун твоих постановок.....34
То кроткую, то властную.....35
Та, на которую молился.....36
Любимой.....38
Забуду тебя, оттоскую.....39
Твои глаза.....40
Тебя носить бы на руках.....41
Сам тебя взлелеял я.....42
По гороскопу ты – «змея»….....43

Шаловливо степенна....44
Светает… И ты, как святая....45
Ослепила ты мне душу....46
Золотая моя, молодая....47
Моё очарованье....53
Окрестила дедушкой....54
Не обессудь....55
Какая сочная малина....56
И снова сауна и «яма»….....57
Ты снова где-то зависаешь....58
Ох, уж эти бабки....59
Я к Вам спешу....60
Шептались: дева старая....61
Рванула майская гроза....62
«Отчаянная» поэзия» (Д. Вайсбеккер-Иванов)....63

Бьется майского ветра живая волна
(военная лирика)

Отцу....66
Баллада о фронтовом письме....67
Полонез....68
Отец....69
А мне война оставила....70
Гремите оркестры....71
Здесь все равны….....72
В эфире песня зазвучала....73
У обелиска....75
Горькая память....76
Михайловна....77
Моё богатство....78
«Слово о поэте» (П. Вотинцев)....79

Пахнет яблоневым ветром
(лирика)

Пахнет яблоневым ветром....82
У мамы....83
О тыкве....84
Про рыбака и рыбку….....85

Над моею родиной небо в звёздах родинках....86
Я дома, я дома!....87
Ёлочка зелёная, ёлочка пушистая....88
А снег такой пушистый....89
Весна пришла....90
Ночь такая....91
Пушкин в Таразе....93
Сирень....94
Лунник....95
В сада густые покои....96
Осенний этюд....97
Снег под ногами скрипит....98
К Родине....99
Где Талас, с вершин сорвавшись лихо....101
Над моею речкой обмелевшей....102
Всадник....103
Мой Тараз....104
Кони....106
Воробьи....107
В новом микрорайоне....108
Ночами красться вдоль дворов....109
Разбудит снова пёс бродячий....110
«Весенняя осень?» (Л. Губашева)....111

Черновиков святая правда
(философская лирика)

Поэзия....114
Друзьям-поэтам....115
Черновиков святая правда....116
Вдохновение....117
Некоторым цензорам посвящается....118
Элегия....119
Недругам....120
Ах, эти коварные слухи....121
Лучше времени нету судьи....122
Здравствуй, жизни радость....124
Мираж коммуны отмиражил....125
Свой кровный хлебушек жую....126
Кручусь, как белка в колесе....127

Века двадцать первого земляне....128
Предрассветные вздохи земли....129
Не копил ни зла, ни денег....130
Я пил до дна, я был на дне....131
Судьбе....132
С креста на крест, несу свой крест....134
А время пореальнее гадает....135
На осенней черте....136
Ещё скрипит моя телега....137
Забыл любовь недорогую....138
Рукопожатье работяг....139
Я устал кочевать, годы сделали дело....140
Несомненно, я богат....141
Нет, я ничуть не опечалюсь....142
Шумят тополя, и, качаясь....143
В предчувствии пасмурной ночи....144
Кидаю в топку уголёк....146
Жил, как жил, смеялся, плакал....147
Галка....148
Ломка....149
А на зоне, как на зоне....150
И всё иное на замок!....151
На волю....152
Перестарался....153
Все по пьянке мы не люди....154
Марихуаной изгоняю водку....155
Распутица....156
О третьих….158
На смерть Тугеля Ахметова....159
Вот и снова стою на откосе....160
Словно только из дома: в тапочках....161
«Перечитывая сборник...» (Л. Лукстина)....162

Коротко
(размышлизмы)

Мой сборничек первый пробился....165
Разруха, разруха, седая старуха....165
Нищета душой богата....165
Здесь люди в горе от ума....165

Любовь – не пройденный этап....165
Двустишья....166
«Мои воспоминания…» (А. Вольнянская)....171

На осенней черте
(венок сонетов)

Летит листва моих календарей….173
В осеннем храме, как в исповедальне....174
Зажглись, как свечи плечи тополей....175
Здесь каждый шорох полон увяднья….176
Не больно мне, что листья отгорят....177
Куда больней перед самим собою....178
Что сделал я, дожив до сентября....179
А до снегов уже подать рукою....180
Взгрустнувших дум, взгрустнувшая пора....181
В раздумье день, в задумчивости вчер....182
И снова день, и снова мне пора....184
Взвалив иные помыслы на плечи....185
Сквозь горький дым осеннего костра....186
Туда, туда, в распахнутую вечность....187
Летит листва моих календарей….188
«Но дар какой!» (А. Медаров)....190

Посвящения близким и друзьям

С днём рожденья, отец....193
Бабушка....194
Сестре Тане....195
Тане....196
Татьяне – к юбилею....197
Зятю Евгению Белоголовых 198
Анжелке....199
Ивану....200
Анжеле-племяннице....201
Миланке....202
К 8 марта....203
Уходит год....204
«Он хотел быть понятым» (Е. Белоголовых)....206
«Роденный быть поэтом» (Т. Белоголовых-Краковская)....217

Литературно-художественное издание

Владимир
Краковский

Ковались сердцем
эти строки

Главный редактор
Дмитрий Вайсбеккер-Иванов
Иллюстрации
Владимир Худяков
Корректоры
Лариса Губашева
Надежда Полякова

Подписано в печать 14.02.2017 г.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 2227.

Отпечатано с файлов заказчика в ТОО
«Полиграфкомбинат» Республики Казахстан,
050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.

ISBN 978-601-06-3949-2

Пахнет яблоневым ветром
В стороне моей заветной.
Этот запах, сладкий запах
Не на север, не на запад,
Хоть с закрытыми глазами,
Я с вокзала, прямо к маме!..